

КОПЫТЦЕВ ВАСИЛИЙ

ЧЕТЫРЕ СЕЗОНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Копытцев Романович Василий

Четыре сезона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68623677

SelfPub; 2022

Аннотация

Четыре рассказа – четыре сезона. "Карманный бог" – про безумного японца, литературного наркомана, оставшегося без дозы. "Под высоким давлением" – про аквалангиста, оставшегося в пещере без воздуха. "Ci_Ca_Da" – о странном моровом поветрии среди цикад на юге России. "Огненная саламандра" – о мести, красивой жизни и горячей любви.

Содержание

Карманный бог	4
Под высоким давлением	88
Si_Ca_Da'	100
“Огненная Саламандра”	110
Приложение	157

Копытцев Василий

Четыре сезона

Карманный бог

«A predatory sea snail blurred in the young Rene's eyes, dream enveloped her limp body and carried her to distant worlds that have been in the power of Morpheus from time immemorial. It's shell spun, merged into one monolithic obelisk and cut through a cascade of six-story fountains»

„ Хищная морская улитка расплылась в глазах юной Рене, сон обволакивал её обмякшее тело и уносил в далёкие миры, что испокон веков находятся во власти Морфея. Раковина её закрутилась, слилась в один монолитный обелиск и прорезалась ввысь каскадом фонтанов в шесть этажей“

Йори Тамура закрыл книгу в мятой обложке, доставшуюся ему от нелегального перекупщика. Книги Ганса Шнаудера, бельгийского писателя, расходились широкими тиражами по всему англоязычному миру вот уже 20 лет, в то время как в азиатской части планеты переводчики и читатели только начали его для себя открывать. Во всяком случае, официально. Отыскать его последний роман **“Каскад_6”** на

полках книжных магазинов не представлялось возможным. Единственный путь – неофициальные переводы и подпольный самиздат.

Для страны восходящего солнца пиратство, буде оно даже мелочное или электронное, считалось всё же серьёзным проступком и обществом порицалось. Тамура со школьной скамьи беспрекословно следовал всем предначертанным правилам.

Работа-дом-работа. С женщинами у молодого клерка не ладилось; что же до друзей, то мало кто готов был водиться с книжным задротом, чья узкая (даже по меркам Японии) комнатёнка была заставлена стеллажами переизданий одних и тех же книг какого-то бельгийца.

Йори в своём роде был феноменом: он не напивался до беспамятства по выходным и не грезил об очередной рейв-вечеринке, сидя в белоснежном офисе. О наркотиках он только читал.

Такому из ряда вон экзотичному поведению есть объяснение: в 9 лет он упал с парохода в порту, ударившись головой о железный буй и только чудом не утонул. После ему диагностировали эпилепсию; так что львиная доля его и без того скромных доходов уходила на лекарства и антидепрессанты.

Помимо, очевидно, чтения он развлекался изучением языков: арабский, корейский, китайский... но **английский** давался ему с особым трудом, оттого лишь обиднее было, что почти все романы Шнаудер в оригинале писал на нём.

Отложив дочитанную книгу на плоский рабочий портфель, Тамура сделал себе крепкий кофе в газовой турке, сидя на пустом балкончике. Подкрепившись парой жаренных креветок, он отправился на работу.

Во дворе дети гоняли мяч. Они сновали из стороны в сторону, не обращая внимания ни на кого. Молодой клерк протиснулся между ними. Добравшись до открытых металлических ворот, он на секунду задержался, чтобы свериться с часами.

Ничто не предвещало беды.

Хлопок.

Резкая боль в височной доле. Разошлась, рассосалась, точно ушла вместе с кровью по маленьким капиллярам, ударяя точечными разрядами тока всё тело. На мгновение Йори словно ослеп. Через несколько секунд он понял, что лежит щекой на асфальте, не чувствуя собственного лица.

Его окружало множество детских ножек. В желтых, зелёных полосатых коротких летних носках и лёгкой спортивной обуви. Взволнованные детские голоса приглушённо доносились до него, точно жалобы утопленника из воды. Парень тридцати лет попытался двинуться. Тело не повиновалось. Руки обмякли и не давали никакой обратной связи. Он попробовал ноги. Левая ступня чуть-чуть копнула искусственный газон и отказалась работать.

Наконец удалось почувствовать спину и мышцы чуть по-

ниже поясницы. Выгнувшись колесом, Тамура поднял своё тело над дорогой. Голова его оказалась над проезжей частью. Он попытался позвать на помощь, но с ужасом обнаружил, что не может издать ни звука. Воздух нехотя покидал лёгкие. Не выходило даже сдавленного мычания. Язык отказался повиноваться. Он не чувствовал ни вкуса ни касаний зубов.

Не получалось даже толком вдохнуть.

Со стороны он напоминал карпа, выброшенного на берег. Рот его то расширялся, то сужался, но дыхания не было слышно. Только пульс отбивал красной волной картинку, передаваемую глазом. Волна отступала и накатывала с новой силой. На короткий миг изображение прояснилось.

Удалось пошевелить руками. Тамура приподнялся и усадил своё непослушное тело на колени. Красная волна накрыла его снова. В панике он пополз к воротам. Обхватив решётку скрюченными пальцами, он пополз вверх.

Контроль над ногами возвращался. Удалось подняться почти в полный рост. Заломившись на левую сторону, Тамура усилием всех мышц грудной клетки глубоко и громко вдохнул. Его голосовые связки выдали хрипучий гром, похожий на звук тормозов поезда.

Красная волна ушла. Пальцы вновь стали послушны.

Йори распрямылся, о чём тут же пожалел. Натяжение мышц и кожи больно задело левый висок, отчего черепную кость невольно дёрнуло.

В глазах мгновенно почернело.

Что было дальше, никто не помнит

Очнулся Тамура от жара утреннего солнца. Обычно его удавалось застать лишь сидя в вагоне

Так! Срочно! Я же шёл на работу!!

Метро.

Мне срочно нужно время!

В виске словно появилась острая трещина с кучей мелких осколочков. В ухе нещадно стреляло.

Со стороны казалось, на глиняной лавочке, росшей из белой стены сторожки с вырезанным окном, застыл во сне древний старик в офисной одежде. Это был Тамура. Он постарел на глазах. Солнце покрывало его грубым чересчур ярким треугольником. В тени оставалась только правая нога.

“Старик” поднял к лицу левую руку. Поморщившись, некоторое время рассматривал запястье, затем, её опустив, поднял правую

До работы ещё полчаса

кисть.

Если проехать на метро, а на выходе заранее вызовить такси вместо маршрутки, то можно и успеть. Правда, придётся обойтись без привычного перекуса в любимой забегаловке. Но то ли беда.

Опоздать было куда страшнее.

Мысли постепенно путались. Пока ещё удавалось связно соображать.

Сидя на заднем сиденье Toyota JPN Taxi, Тамура боролся с приступами сонливости. В желудке нетерпимо журчало. Голод покалывал противным холодком. Но надо было терпеть. Ненадолго сдавшись, Йори окунулся в сон. Проснулся он на каком-то резком повороте. И спросил...

– Чудесная сегодня погода?

Водитель посмотрел на него в зеркало заднего вида (*более широкое, чем предусмотрено конструкторами*) как на идиота.

(или безумца)

С растерянным видом таксист ещё побегал глазами по зеркалам. Но так и не проронил ни звука.

Почему он мне не отвечает?

Почему?..

Очевидно, Ты забыл, кто ты и где...

Мы разве не в Майами?

Нет, мы в Осаке.

Что это значит? Я ведь спешу на работу. О боги, как же стреляет ухо!

Вот именно. На работу. У таксиста тоже своя работа. Ты ещё не понял?

Как это понимать?

Похоже, ты треснул сильнее, чем думал?

Когда я успел треснуться? Кто ты?

Когда спускался с лестницы. Помнишь тех детей? Это

они положили тебе мяч под ноги, вот мы и упали.

Кто ты?

Я – это ты. Ты забыл?

Конечно забыл.

Не важно. Помни вот что: у каждого есть своё личное пространство. Здесь нет болтливых. Только не на работе.

Но разве таксистам не положено поддерживать беседу с клиентом?

Только не здесь.

Но я столько раз с ними болтал!

На страницах романов.

Не может быть..

На страницах романов Снаудера. Он пишет про Америку. Про Рене Магратт, Тёзку великого художника. Про улинок. Вот только здесь тебе не Америка.

О ужас. Как я мог.. но я.. как мне дальше быть? Я ведь даже не помню, над чем работал. Ты мне поможешь?

Сам себе помоги. Я – это не я.

Я не твоя вторая личность. Скоро сам поймёшь. Всё будет в порядке.. вещей.

Расплатившись по счёту, Йори ковыляющей походкой забрался на третий этаж. В офис. К тому моменту в голове всё улеглось,

(не бывает никаких вторых личностей)

Пусть и не надолго.

Дома Тамура часто зависал в онлайн-каталогах книжных магазинов. Многие из них он знал наизусть. Часто он пролистывал. Даже не пролистывал, а прокликивал. Это была его медитация. Его отдушина. Его караоке, его аниме, алкоголь, экстази, музыка, порнография.

Когда знаешь, чего хочешь,
(особенно когда хочешь так мало)

Очень легко убивать время на такие вот мелочи,
(потому что времени у тебя немерено)

На никчёмные мелочи.

Йори давно ничего так страстно не желал. “Каскад_6” снова пробудил это в нём

Произошёл тектонический сдвиг

и это было прекрасно,

Черепные кости нашли одна на другую

словно всплески огня

Магма прыснула из-под коры

в кромешной ночи

(это был второй удар?)

вулканического пепла.

Сейчас, сидя за рабочим столом, замороженный, он мониторил каталоги книжных домов, занимавшихся переводными изданиями. Пользуясь поисковой строкой. Но ни в одном

из них не нашлось даже предзаказа на “*Каскад_6*”.

Внезапно совесть защемила.

Так же внезапно, как мяч во дворе

Украсть у любимого автора, нет, даже нанять воров, никудышного переводчика и криво отпечатать и склеить его книгу... за такое было совестно вдвойне.

И ведь это ТЫ сделал!

Всё равно что изорвать её и, вволю наглумившись, спустить по кусочку в унитаз.

«*Вор!*» – кричали стены.

«*Мошенник, лжец!!*» – ворчал монитор..

«*Урод, урод, порнушник!!!*» – трещали зеркала...

– Чем это вы заняты?

Спросила из-за плеча молодая начальница.

Она коверкала слова на “модный манер”.

Она появилась внезапно!

– Я-а... эээ

Ты ведь должен был работать!

Надо разделять работу и личное.

– *Я стучащее сердце Тамуры*

– *Я скрутившийся в петлю кишечник Тамуры*

– *Я дрожащая совесть Тамуры*

– *Я микроинсульт...*

Впервые с детства гул в ушах перекрыл его слова. Руки дрожали. Мозг горел, словно прижжённый паяльным феном. Тамура упал лицом на клавиатуру. Шёпотом моля о прощении.

нии, он пытался вырваться из оков красного тумана, покрывшего глаза;

Я..

всего лишь...

хотел...

не справился;

потерял сознание. Задохнулся.

Пациент явно демонстрирует все признаки черепно-мозговой травмы средней тяжести.

– я горящие мозги Тамуры

Пациент с регулярной периодичностью приходит в себя.

Кричит, не осознает, где находится.

– я измотанная психика Тамуры

– я провалы Тамуры

– я дырявая память Тамуры

Заключения на основании анализов:

МРТ: преходящие нарушения мозгового крово-обращения (возможно, транзиторные ишемические атаки), сотрясение II-й степени.

Рентген: переломы левых височной и клиновидной костей

Кардиограмма: угроза инфаркта.

-я чёртов голод Тамуры

Анализ крови не демонстрирует недостатков питательных веществ.

(я ведь так и не позавтракал)

Доброе утро!-
(*ох если бы*)

Тамура сидел, укутавшись в жёлтый плед с оранжевой за-
платкой-ромбом посередине.

Ответь ему что-нибудь

– Утро..

Доброе...

Соседский мальчик.

Немного ещё постоял под окном, опустил взгляд себе под
ноги, лёгким пинком послал в полёт пару камешков гальки.
Ушёл.

Он хотел извиниться

– Может быть..

Дети всегда такие дети

– Беспомощные

Как ты, пока тебе делали рентген черепа и грудной
клетки

– Это было необходимо

Ты потерял сознание, стоя на ступеньке аппарата

– Быть беспомощным

Санитар еле успел поймать тебя

– Чтобы тебя спасли

*Твой нос был у самой земли,
колени уже коснулись пола*

– Чтобы всё обошлось

Отчёт психолога: Пациент демонстрирует дробность мышления. Возможно, ведёт внутренний диалог. Страдает безотчётным чувством вины. Психологические причины поведения не ясны. Их корень носит скорее характер психиатрический. Пациент закрыт. На контакт идёт неохотно.

Рекомендовано дальнейшее обследование у психиатра.

– К доктору мы не пойдём

Нет ни каких МЫ

– Нет. Всегда были!

Ты пытаешься убедить в этом собственный внутренний голос!

– Может быть ты и прав..

Я ухожу. Совсем.

– Подожди. Нельзя так. Не убегай от меня.

иначе...

– меня никто не понимает и так. Без тебя я не смогу понять даже сам себя. Если ты не останешься со мной..

Прогнать меня можешь только ты. Часть тебя этого хочет. Но я твой раб. Я и есть ты.

– то я потеряюсь..

Останься.

В доме не было мусоропровода. Чёрные мешки приходи-

лось носить до специальных баков с логотипом компании, занимавшейся вывозкой отходов.

Тамура просидел долгие четыре дня безвылазно. Почти не ел последние два дня, он заметно схуднул. Назначенные докторами таблетки аппетита не добавляли. Напротив, усиленная работа организма, безуспешно старавшегося регенерировать, тем сильнее подтачивала здоровье и вес, чем больше пилюль он глотал.

Аппетит пропал ко всем чертям.

Читать было нельзя.

Да и невозможно.

Глаза разбегались, стоило только навести их на страницы. Картинка словно расходилась на два полупрозрачных слоя, споривших между собой.

Телевизор тоже был противопоказан.

Так что Тамура Йори большую часть времени сидел на балконе, вперив взгляд в пыльные стены или отправив его в далёкий воздух еле видной горы.

Иногда он ел. Совсем немного. Но всё больше спал.

Но мусора накопилось... много. Он начинал пахнуть. Панцири ракообразных, рыба чешуя, одноразовая посуда, поломанные пластиковые ножи, одноразовые палочки с налипшим на них жиром. Надо было срочно что-то с этим делать.

Йори встал; шатаясь, умотанный в плед, он вытряхнул грязное ведро в чёрный мешок, собрал хлам, валявшийся

вокруг матраса и вышел во двор.

Загнутые края мусорных контейнеров покрывали жирные вонючие подтёки помойной жижи. Фирменные логотипы-листы были едва различимы. Остановившись у одного такого, Тамура обратил внимание на стоящие рядом маленькие пластиковые разноцветные бачки. Совсем свежие. На каждом была нарисована своя белая иконка. Очевидно, они предназначались для сортировки мусора.

(на это у меня силы нет)

Раскачивая мешок, как маятник, он зашвырнул его высоко вверх. Тот ударился о стену на уровне третьего этажа, сполз, оставляя чуть заметное пятно, ускоряясь, упал в измазанный бак с подтёками.

(как же как же)

– Немного промахнулся

(а ведь было время, ты следовал правилам)

– Тогда я не был таким уставшим

(ага)

– И голодным

Тут Тамура впервые с больницы ощутил острый голод. Он не заставлял желудок падать холодным камнем, он жёг всё внутри, горели лёгкие, диафрагма. Желудка будто не было. Вместо него разверзлась геена огненная. Жар её то накатывал, то отступал

(ещё чуть-чуть и изо рта запахнет аммиаком)

перед пустотой.

Благо, бумажник он носил всегда при себе.

Наверное

Тамура запустил пальцы в карман.

Не в этот раз, парень

Пришлось возвращаться домой. Ключ он забыл. Дверь автоматически захлопнулась.

Придётся лезть через балкон

– Балкон точно открыт.

Всего лишь второй этаж

Голова кружилась. Трудно было занести даже одну ногу над перилами. Стена, отделявшая веранду от балкона была тонкой. Перелезая её сбоку, пришлось балансировать на животe, совершая короткие поступательные движения, точно джунгарский хомяк, застрявший в норке своего домика. Всё это было на вид довольно комично.

Хорошо, что дети не видят

– Да какая разница.

Опуская правую ногу на пол своего балкона, он неожиданно для себя дёрнулся и на какой-то миг потерял контроль над телом.

Словно кто-то тянет тебя за шкурку

Плед размотался и зацепился за перила. Незаметным для себя движением Тамура уронил его

Как хомяка

Вниз. На искусственную траву.

А мог бы пойти к хозяйке комнаты

– Я слишком голодный.

Или лучше: мог бы купить себе нормальную квартиру

– Так дешевле.

А что, средства позволяют

– Где бумажник?

Или мог сменить замок. Давно мог

– Вот он. Где ключи?

Про плед не забудь

– Потом подберу.

– *Я дырявая память Тамуры*

– Идём к Кобаяши-сан...

– *Я чёртов голод Тамуры*

– Давно пора. Миска рыбного супа, лапша с жаренными

осьминогами, мидии в майонезе – это то, что нам нужно.

Тебе

– Да. Мне.

Счёт:

Суп из морепродуктов X1 порция **600JPY**

Рисовый чай X2 порции **120JPY**

Мидии в майонезе X1 порция **500JPY**

Рамен X1 порция **400JPY**

Жареные осьминоги к рамену X1 порция **70JPY**

Итого: **1690JPY**

ИП:Kobayashi-san-КА-FE

Von Appetit Приходите ещё

Вот бы так всегда!

– Только без сотрясений.

И микроинсультов

– Точно.

Жевать было больно. Но очень уж вкусно. За парадом планет из всех оттенков, доступных человеческим рецепторам, тупая боль выглядела лишь подчёркивающим украшением приятного момента. Как же хорошо, что может быть так хорошо.

С глаз разом спала пелена мыла. Ушла неприятная сонливость. Тело снова ощущалось целиком. Не как холодный кусок отчуждённого материала, не как бремя, но как чудесное дополнение к разуму.

– Как мало же надо, чтобы почувствовать себя живым!

Не так уж мало

– Ты о чём?

Для этого пришлось конкретно треснутья башкой

– Оно того стоило.

Увидим

– Эй, что это там?

На другом конце стола лежала какая-то потрёпанная книженция. Обложка у неё была сломана. Очевидно, её уронили. Возможно, кто-то читал её в метро.

Дурного качества клей, скреплявший бумагу почти той

консистенции, что используют для туалетной бумаги, расходился по швам вклеенных стопочек страниц. Однако, судя по картинкам, по тому, что ни одна из них за время пользования не смазалась, не стёрлась, на чернила издатели не поспешили.

Это была манга. “Shonen Jump”, обычным делом было оставлять такие сборники в общественных местах – одноразовое лёгкое и, что нимало важно, *быстрое* чтение.

Быстрое чтение и долгая, смакующая еда.

Такой она была, страна контрастов.

Страна восходящего солнца и уходящей эпохи. Эпохи предельно дешёвой печати, сменявшейся компьютерами, электронными книгами, планшетами. Во всяком случае, так казалось со стороны. На деле же дешёвые издания с картинками были прямым продолжением (и при том непосредственной предтечей) всех этих “высоких технологий”.

Картинки – *скорость*.

Интернет – *скорость*..

Низкая стоимость – высокая *скорость* печати – сильная отдача...

Сильная отдача – **быстрый** рост.

Дети рано взрослеют. Становятся стариками в 20 лет. Не телом, душой. Все слишком рано начинают бояться нарушить границы, выстраивают стены вокруг себя раньше, чем

успевают узнать, что за ними. Слишком рано разочаровываются в жизни, замыкаясь на одних и тех же проблемах.

– Слишком рано начинают ставить друг другу палки в колёса.

Ты сам-то веришь в то, что говоришь сейчас?

– Слишком рано умирают.

У нас здесь не Америка, не Бельгия

– Слишком рано убивают себя. Шагают с крыши, не успев научиться летать.

Ты бредишь, проснись.

– А?

– Мой класс был дружным. Этого не отнять. Но мы были и впрямь какими-то... замкнутыми..

Ты нездоров. Пойди проспись

– Я спал достаточно.

Ты говоришь, как Снаудер. Его словами. Его мысли. Вернись на землю, Тамми, нам тебя не хватает

– Я в порядке.

Ты лжёшь

– Мне нужна эта дурацкая книжка.

И сам того не замечаешь

– “Высокие технологии и низкие нравы”

Так сказал бы Снаудер

– Великий человек.

Тамура раскрыл 600-страничный журнал на случайном

листе. Это была простенькая история вроде «Моя Геройская Академия», точнее, это была манга, пародировавшая её. В одном из кадров гордый мальчик в глупом обтягивающем костюме с “петушиным гребнем” из чёрных резиновых шаров наставлял палец на кого-то за кадром и говорил:

“Настоящим героям не нужны таблетки”

– А ведь это про меня – хмыкнул Тамура – и правда, зачем я их глотаю. От них только хуже. И стоят они как самолёт.

Не многим больше шести порций рамена.

– Стоят 6,000 Иен.

Это без льготы

– Я видел чек из больницы, там не 2,400.

60% оплатил твой работодатель. Это прописано в контракте.

– Я неудачник.

Ты счастливчик

– Я хочу быть героем.

Ты уже справился с большим, чем многим людям доведётся перетерпеть за жизнь

– Мне не нужны таблетки.

А что тебе нужно?

– Мне нужны книги.

Доктор запретил их, тебе станет плохо

– Мне нужен “Каскад_6”.

Твой мозг должен отдохнуть

– Я так давно не читал...

У тебя в руках манга

– ..Снаудера

Ты говоришь его цитатами

– Я знаю его книги наизусть.

Прекрати этот цирк!

– Это великий человек!

Всего лишь ещё один литературный клоун

– Я должен с ним познакомиться!

Никто не знает, где он живёт

– Через балкон тоже лазать нельзя.

Это был не мой совет

– Я узнаю, где он живёт

...

– Но сначала... мне нужно как следует отдохнуть.

Хоть одна умная мысль за день

Наскоро пролистав журнал, совершенно не вчитываясь, он дошёл до раздела рекламы. *Жевательная резинка со вкусом чувства вины... хех, чего только не навьдумывают. Шутники. Зубная щётка с лицом Ванпанчмена “Одолей своих зубных инопланетян!”*, интересно, *зубы она тоже вышибает? О, а это что..?*

Взгляд Тамуры упал на коробку Blue-ray сериала с до боли знакомым названием. От двойного названия (на японском

и на английском) повеяло морской солью, мазутом, неза-
сохшей краской – запахи детства. Изгибы букв сливались в
очертания рисунков, что много раз детьми повторяли они
с братом, перерисовывая героев сериала на бумажках, про-
ставляя такой своеобразный “штампик” в правом нижнем
углу картинки. Своей подписи тогда ни у кого из них не бы-
ло.

Брат устроился работать нотариусом – и у кого у кого, а
у него была на совесть размашистая подпись – профессио-
нальная примета людей его круга – это чтобы никто не под-
делал.

У Тамуры в паспорте стояла неловкая вертикальная рим-
ская единица “Г”.

В паспортном столе шутку оценили.

“Как “Я”, но только “Один””

Тамура так и остался одинок.

У тебя есть ты сам

– И этого достаточно... почти

За этой коробкой он и пошёл в ближайший гаражный ви-
део-прокат. Это было как раз по дороге домой. Впервые за
всё время он поинтересовался у хозяина отдела – такого же
молодого человека, как идут дела, пока тот рылся в грудях
коробок.

– Если честно, дела идут не очень.

– О, даже так?

– Боюсь, придётся закрывать лавочку со дня на день.

Очень жаль бросать это дело. Но со всеми этими онлайн-сервисами долго не протянешь... в общем, я, как это ни горько признавать, вне игры...

– Вне конкуренции.

– ...

– Простите, сколько с меня?

– 600, вернёте через три дня.

– По рукам.

– Крепкое выражение. Не припоминаю в вас столько энергии. Простите, консультанту не подобает быть таким разговорчивым...

– О, мне только в радость!

– Но гость вы у меня не частый. Да и с недавних пор я одиночно и владелец бизнеса, и работник, и грузчик, и консультант, и продавец, и пиар-менеджер. От такой канители и рехнуться не долго. Ни слова ни с кем не по работе за день. Домой возвращаешься – сон срубает... простите.

– Прекрасно вас понимаю...

– Ещё раз простите мне мою... может, что-нибудь ещё желаете?

– Да, видите ли, мне не на чем смотреть. Не найдётся ли у вас Блю-рея напрокат?

– В каталогах фирмы такого нет. Но лично у меня есть прошлогодний проигрыватель с подходящего разрешения экраном. Мне он больше не нужен. Думаю скоро переезжать. Колонки не отдам, музыку я люблю... хотя... к чёрту, заби-

райте, соседи часто ругаются. У меня есть чудесные наушники... ещё раз простите мне мою болтливость.

– Какова цена вопроса?

– Брал я всё вместе за 5,000 Иен, но вам с учётом износа уступлю за 3,000.

– Это тоже до среды?

– Нет, это насовсем.

– Видите ли, поселить его навсегда у меня не получится, места в камере мало...

Выкинь Шнаудера к чертям – место и освободится

..для меня это слишком радикально. Хотя... если подумать, на балконе ему самое место. Да, я давно хотел поменять двери на скользящие стеклянные панели.

– Так мы договорились?

– О, да!

– Желаете сейчас получить приобретение на руки?

– Вы находите это возможным?

– Более чем. Мы закрываемся через полчаса. Если изволите подождать, можем зайти напрямиком ко мне, это парой этажей выше.

– Не возражаете об одолжении?

– В чём оно состоит?

– Видите ли, я только недавно с больницы... и мне категорически противопоказано напрягаться.

Вспомни об этом, когда будешь проходить по газону мимо плёда, вспомни, как катался пузом по перилам

– Решительно не проблема. Я помогу вам с транспортировкой. Это всё, что вы намерены желать?

– Именно так.

– Чудесно.

Прокатчик озарился услужливой улыбкой. Тень грусти спала с его лица. На короткое время.

Как мало же надо, чтобы почувствовать себя живым!

Следующие два дня Тамура сидел в своей каморке с открытым балконом. Тонированные пластиковые стёкла приглушали солнечный свет, отражавшийся от окон соседних домов, чьи обитатели предпочитали большую приватность.

Неплохо бы купить занавески

– Свет меня не раздражает.

Скажи это завтра своим глазам

На следующий день сил что-нибудь сказать у него не было. От перенапряжения мозг превратился в кашу и надорвано болел.

Всё-таки перестарался ты с “отдыхом”

– Ыяммм...Хъъъ

Провалившись в беспамятстве ещё два с половиной дня, Тамура наконец пришёл в себя. Желудок ныл, словно толпа хулиганов всю ночь втаптывала его грязными говнодавами

внутри его измученного тела.

И не одну ночь, а все три

– Охх, помолчи. От тебя не легче.

Это ты сам себе говоришь

– Я что-то должен был сделать.

Не мешало бы поест

– Я должен был вернуть кассету!

А доктор тебя предупреждал!

– Надо только подняться...

Не забудь плед, он так там и валяется

– Да ну его этот плед, другой найду.

Этот связала мама

Но Тамура уже себя не слушал. Он прохромал на улицу, ковыляя, спустился с лестницы, несколько раз остановился на ней, борясь с приступами тошноты.

Это всё от голода

– Мы идём в прокатную.

И славно, это как раз по пути к Кобаяши

– Как стыдно-то, он ведь ждал.

А мама ждала, что из тебя выйдет что-нибудь путное. Что ты хотя бы девушку себе найдёшь

– Мне не нужна девушка.

Что женишься

– “Слишком рано взрослеют”...

Опять ты за старое

– “Слишком рано остаются одни”

Вместо неоновой дорожки “Видеопрокат” над дверью красовался развёрнутый эмалированный папирус с акварельным рисунком и тушевой каллиграфической надписью:

“Old SalMOON”

“Старый (лунный) Лосось”

Рыбина была старательно выведена графичными чёрными контурами и раскрашена красными, жёлтыми и оранжевыми чернилами. На лбу и прочих сверкающих частях её тела белым акрилом были обозначены блики.

– На лосося по цвету совсем не похоже.

Но художник здесь поселился талантливый

– Интересно, сколько ему лет.

Наверняка какой-нибудь проворный юнец

– Почему ты так решил?

Знаешь как рождаются прозвища в школе? – мелких детей называют здоровяками, здоровяков, наоборот, малышами

– Сколько бы лет ему не было, он наверняка не лишён чувства юмора.

И, может быть, любви к английскому языку

– О, это было бы чудесно. Знать бы, что в этой лавке.

Похоже, возвращение кассеты откладывается на неопределённый срок

– Я бы, для порядка, ещё постучался к нему домой.

Так он и сделал.

Ему никто не ответил.

В двери было новомодное тонкое продолговатое окно для почты. Кассета с трудом пролезла в него. ХлопкА об пол не последовало. Тамура отогнул окошечко пальцем и увидел, что кассета легла на какую-то коробку.

– Видимо, про переезд он не шутил.

Ты хотел сказать, не ВРАЛ

– Всё в рамках приличий, как ты и хотел.

Ты и есть само неприличие

– Как...

Как ты и хотел

Спустившись во двор к «Старому лунному Лососю», Тамура толкнул дверь магазина, но она не поддавалась.

Ты что, не видишь, табличка “Не работает”

– И впрямь. Как я её не заметил?

Ты видишь и слышишь только то, что хочешь

– Зайду потом. Голод отступил.

Если что, я тебя предупреждал

– О чём?

Обо всём, о чём ты не хотел слушать

– Сильно нужны мне твои советы.

Ты их сам себе даёшь

– Вот и сникни.

Из-за двери раздался стук.

От испуга Тамура слегка дёрнулся. Стекло было чёрным, едва прозрачным, но только на самой двери. Табличка была приложена вплотную с внутренней стороны. Стук повторился. При этом видно было загоревшие костяшки пальцев, касавшиеся стекла с той стороны.

– Что за шут?

Тамура постучал в ответ. Тишина.

Снова раздался стук с той стороны. Озорной, игривый. Видать, хозяин и впрямь был большой шутник.

Тамура принялся было снова стучать, как дверь распахнулась.

– Ну и видок у вас, если смотреть с моей стороны, доложу я вам!

Улыбчивый старик, кажется, на половину индеец, слал лучи света золотыми зубами всему миру. Один солнечный зайчик уколол Тамуру прямо в глаз. Где-то в правой верхней доле головы проснулась тупая давящая боль.

– Я вас раньше не встречал?

– Да, именно так, я обосновался здесь недавно, второго дня, можно сказать.

– Кажется, раньше здесь обитал один молодой человек...

– У вас к нему дело? Он, кажется, должен быть у себя.

– Нет. Но, думаю, мы с ним всё уладили.

– Прекрасно! Чертовски приятно заканчивать дела, не находите?

Тамуру этот вопрос почему-то поставил в тупик.

– Эээ... Весьма – протянул он с улыбкой.

– Ох, что же это я? – старик услужливо распахнул дверь шире – быть может вы составите мне компанию за, скажем, чашечкой крепкого чая?

– С удовольствием.

– Чудно!

Проходя по длинному коридору, Тамура не мог не отметить поразительной перемены помещения (на самом деле гараж был по-прежнему короток, но мебель расставлена так умело, что создавала иллюзию удлинённого пространства).

– Сколько же здесь зеркал!

– Удачное решение, не находите?

– Воистину!

– Особенно хорошо всё это будет смотреться, когда пустые полки заполонят их величество книги. Каждая из них – по-своему отражение человеческой души; если присмотреться как следует, даже в самой ничтожной книжонке можно усмотреть великие вещи. Даже в порнографии, знаете ли. *“Красота и ум в глазах смотрящего подчас в намного большей власти, чем в руках того, кто эти зеркала ваяет”*. Скучных книг не бывает.

О как сказал!

(Чертовски умный старик)

И где ж ты раньше был

– Говорите... знакомо. Вы выбираете слова так, будто я

всегда их знал, но когда-то имел неосторожность забыть...

– Ну... жизненный опыт, знаете ли.

– Сколько вам лет?

– Тууу... ну и вопрос вы мне задали. Я, признаться, давно не заглядывал ни в паспорт, да и день рождения не справлял... лет с... вот как сорок пять стукнуло, больше не занимался этими глупостями.

– Вы поразительный человек!

– Хотелось бы верить – старик одарил его одобрительной усмешкой – между прочим, фраза, что, должно быть, произвела на вас столь сильный эффект, не моего сочинения. Та, что про книги. Это цитата одного... своеобразного автора.

– Вот и мне кажется, что я где-то её уже слышал... или читал. Не поделитесь, кто он, этот мудрец?

– Ну, мудрецом я бы его не назвал...

– Как не окрестили бы и глупцом? Как не окрестили бы и круглым идиотом?

– О, ни в коем разе! Исключительной наблюдательности молодой человек, что это написал. Ганс Снайдер – так, стало быть, его звали. Полагаю, имя до сих пор при нём. Если только он не завёл себе псевдонима, что, сколько я его знаю, не в его характере совершенно. Однако, в связи с последними новостями, большей остроты умозаключений от него ждать не приходится...

– Шнаудер? Тот самый Снаудер! Скажите мне, нет, ущипните меня, скажите мне, что я не сплю!

– Спите... ну – старик поставил чайник на горелку – это весьма... сомнительно. Щипать себя извольте сами, в этом я не специалист.

Оба оценили уровень остроты.

– Кажется, я попал в рай преждевременно!

– У вас разве верят в рай?

– Верят в то, во что приятно верить, как и везде.

– Тогда вам повезло. Не знаю, кому из нас двоих это знакомство приятнее. Я верите, ли, давно не встречал приличных молодых людей, увлечённых его творчеством.

– Вы мне льстите. Однако знакома ли вам последняя его работа “Каскад_6”?

– Как же. Читал, читал. Вот это всё, про книги, зараз оттуда.

– Не припоминаю такого. Быть может, я успел подзабыть... верите ли, со мною приключилась небольшая неприятность. Вернее сказать, неприятности посыпались одна за другой, просто скопом.

– Но теперь-то всё наладится?

– Полагаю. К слову, можно попросить вас об одолжении?

– Конечно, о чём же речь?

– Разбавить чай. У меня, в связи с травмой, адски раскалывается голова.

– Как будет угодно. Так вот к чему эта ваша странная повязка! Под ней, должно быть, находится согревающий или охлаждающий пластырь? Я было подумал, что это какая-то

новомодная безделушка, что-то вроде украшения.

– Всегда терпеть не мог никаких украшений.

– Быть может, напрасно. Конечно, если вы не питаете интереса к противоположному полу.

– Я бы предпочёл избегать с ним контакта в том самом смысле, покуда это возможно.

– Жаль. Вы многое теряете. Хотя, быть может, вы, как многие дети этой освящённой солнцем страны, слишком рано повзростели. “Принялись строить стены, не успев как следует рассмотреть того, что ими скрыто”.

– Вы точно мысли мои читаете.

– Это всё тот же Снайдер. Как вижу, вы им не на шутку прониклись, раз эти слова так глубоко в вас засели? Я ли не прав?

– В точку.

– Приятно слышать. Позвольте познакомить вас с моими трудами?

– Почту за честь. В чём они состоят?

– О, это будет жемчужина моего магазинчика. В своих путешествиях я имел наглость раздобыть старую немецкую печатную машинку образца 43-го года. Как знать, быть может, машинистка Геббельса в спешке отпечатывала на ней его поганые строчки прожжённых антисемитизмом мыслей. А, может, какая-нибудь прелестная фрау сотворила ею шедевральный роман или ворох рассказов, быть может даже сказок для своих непосед-детишек. Чтобы читать их им на

ночь.

– “Кто знает, какие истории скрывает заржавевший кинжал!”

– Золотые слова. Так вот, моё хобби состоит в... как бы это приличнее назвать... пожалуй, другого слова не найти... состоит оно в переводах любимых книг. Незадолго до переезда в Японию, а это, возможно, конечная точка моего путешествия длиною в жизнь, я взял за правило переводить и печатывать в день по крайней мере два листа текста. И побудила меня к этому книга Снаудера. Тот самый “Каскад_6”.

– Великий человек...

– Да, он объединяет поколения... пускай и весьма своеобразно. Так вот... вдохновила меня конкретно эта строчка про глаза смотрящего и власть. Видите ли, мне по силе не менее одиннадцати языков. На семи из них я свободно изъясняюсь. На четырёх могу позволить себе скверно ругаться и один освоил, кажется, в совершенстве.

– Позвольте угадать, на каком...

– Воля ваша.

Окинув старика оценивающим взглядом, Тамура на миг зажмурился. Чего гадать, лишь один язык в современном мире открывает столь огромное число дверей. Дверей в удивительные литературные миры. Дверей в передовые страны с историей, достойной пера поэта.

– Английский.

– Вне всякого сомнения, мальчик мой. Можно мне вас так

называть?

– Извольте.

– Так вот, недели три назад я закончил свой непосильный труд. Отправил листы в типографию, попросив сшить из них книгу в твёрдом переплёте. Последние три дня, разобравшись с обстановкой этого гаража, с переоборудованием его под магазин – замена дверей, развешивание зеркал, покончив со всем этим я сел рисовать обложку на папирусе. Современные издатели называют то, чем я занят, “Супер-обложкой”. Занятие медитативное. То, что надо после потрясений, пускай и приятных.

– Ей отведено особое место, я полагаю?

– На витрине ей предназначена особая резная подставка. Я намерен давать её читать другим людям... как бы на время. Не напрокат, это слишком меркантильно для меня. В этом хобби я намерен находить скорее отдушину, нежели выгоду. К тому же извлечение прибыли несёт с собой неизбежное нервное напряжение, от которого я намерен, напротив, всеми методами избавляться.

– Вы великолепны...

– О, полноте. Лучше взгляните поближе и скажите, как вам.

Тамура с трепетом поднял на руки книгу. Провёл пальцем по рельефу рисунка ручной работы. Сняв суперобложку, он вчитался в текст. Слова были незнакомыми.

– Это... сильно отличается от того, что читал я.

- “Красота и ум в глазах смотрящего подчас в намного большей власти...”
- “..чем в руках того, кто эти зеркала...”
- “..ваяет”.
- Могу я...
- Что?
- Попросить... вас...
- Ну разумеется.
- Понимаете... я не имел возможности оценить всю полноту оригинала... и английский мне уже сколько лет неподвластен...
- Прискорбно это слышать.
- Я имел непростительную глупость заказать у пары поганцев-халтурщиков перевод, качество которого оставляет, мягко говоря, желать лучшего. Я имел знакомство с испорченной жемчужиной...
- Тем полнее будет наслаждение...
- От вашей работы.
- От НАШЕЙ работы. Я только помог Снаудеру, помогая себе. Хотя он меня о том не просил. Я полагаю.
- Я отнесусь к экземпляру со всей осторожностью и почтительностью, с какой смогу.
- Знаете, учитывая обстоятельства нашего встречи, я... намерен вам её подарить.
- О, что вы...
- Вы ведь не думаете, что у меня всего один образец? Вы

ведь не столь наивны. Я заказал пять копий. При мне две, остальные лежат по коллекциям родственников. Брат должен получить одну как раз ко дню рождения.

– Премного благодарен... но это слишком для меня.

– Я настаиваю.

– Мне будет не легко с этим свыкнуться.

– У вас на то все будни оставшейся недели.

– И выходные, что грядут за мигом суеты.

– Красиво сказано.

– Красивые глупости говорить не трудно.

Насладившись разбавленным чаем без сахара, Тамура, ошарашенный, шёл домой. Вспоминая обрывки состоявшегося разговора.

– Предпочитаю чай без сахара. Чем крепче – тем лучше, главное, конечно, не доходить до крайности. Иначе не почувствуешь сам вкус чая, только беспрсветную горечь. Так и жизнь стоит пить. Какой бы пресной она поначалу не показалась, вкус её в полной мере познаётся лишь по прошествии времени.

Умный старик

– По молодости я достаточно хлебнул этого сахара. Пару раз по ошибке насыпал себе соли. Но теперь ни-ни.

И забавный

– Помню, как-то взбрело мне в голову начать делать за-

кладки ко всем книгам, что я брал в библиотеках и оставлять на них свои контакты. Но не просто писать буквы и цифры, а выводить на них полноценные иллюстрации. Так я встретил свою жену. А ещё однажды мой младший брат нашёл закладку пятилетней давности. Он очень долго не мог поверить, что это моих рук дело. Меня к тому моменту в родном Бангалоре уже года два как не было.

Чёрт возьми, ему лет сколько, а послушать, так душой он моложе меня

– Рано взрослеют...

А всё эти чёртовы стены

Принеся книгу домой, Тамура, весь сияющий, раскрыл свой читальный столик, водрузил на него книгу и долго не мог унять волнения. Дыхательные упражнения помогли. Наконец он раскрыл первую страницу, залпом проглотил первую главу, как вдруг вспомнил...

Он собирался поесть.

Проведя несколько часов наедине с книгой и наваристыми блюдами от Кобаяши-сан, Йори Тамура испытал сначала невероятное восхищение мастерством перевода и слога своего нового друга, с головой ныряя в океан образов и острых ощущений. Он словно живьём побывал в голове юной

дворянки 18-го века, ощутил всю остроту одиночества, колющего у тебя под ложечкой и в самое сердце. На него вновь нахлынул кровавый туман, но то было долгое, мучительное и приятное чувство болезни. И когда одинокая Рене наконец-то затянула петлю ремня вокруг своей тонкой бледной шеи, впадая в смертельный экстаз... последние строчки щелчком разбудили Тамуру.

Мир вокруг стал холодным и жёлтым. Будто в красной комнате кто-то включил свет.

Ему захотелось пробежаться ещё раз по всей книге глазами, прежде чем захлопнуть её. Но пальцы ощущали какую-то недосказанность.

Перевернув страницу в сторону оглавления, Тамура наткнулся на цикл переведённых коротеньких интервью.

– Таких я раньше не видел.

Смотри приписку. Это эксклюзивные ответы на вопросы для посетителей частного фестиваля «Burning Flag»

– Тогда откуда у старика из Бангора эта информация.

Головой подумай. Или сам на фестивале был или кто-то из его родственников.

– Так вот, почему он с таким пиететом отзывался об этом «молодом человеке».

Возможно, он его лично знает.

– Быть может, ему известно гораздо больше, чем может показаться на первый взгляд.

Да и на второй.

– Быть может, он даже бывал у Снаудера дома!

Вот только теорий заговоров здесь не надо, а? Не в моей голове!

– Только представь, побывать у него дома, увидеть места, где рождаются эти шедевры.

Ты начинаешь меня пугать

– Побывать в его голове...

Акстись!

– Посмотреть на мир его глазами...

Вырвать их из рук

– Как древние топазы...

Успокойся!

– Я спокоен.

Мне страшно за тебя

– Всё хорошо.

Мне страшно от того, что я вижу в твоей голове

– В ней словно пылающий металлический штырь.

Горящая стрела

– И она вращается.

Это больно. Так не должно быть!

– Она укажет мне путь.

Какой ещё путь?

– Время покажет.

Давай лучше...

– Смотри в книгу.

В серии коротких интервью Снаудер пел дифирамбы порнозвезде под псевдонимом Jean Gray3, как лучшей актрисе современного кино. Поносил Стенли Кубрика как дилетанта от мира спецэффектов и неустанно острил.

Но в самом-самом конце он как бы невзначай сказал:

«— Ваш последний роман, кажется, вместо лёгкого хлопка выдал самый настоящий взрыв. Как думаете, в чём причина?»

— Не без этого. Если честно. Мне уже давно плевать. Читает эти книги кто или нет. Насчёт хлопка не знаю. Он принёс мне столько денег, что я больше никогда не напишу уже ни одной книжки.

— Смеею заверить, это расстроит ваших фанатов.

— Не стоит. Я откровенно устал. И как-то последние лет пятнадцать им было плевать, и вот теперь они заинтересовались. Я этих бумажных кирпичей уже столько настрочил, что им их ещё до самой моей смерти не прочитать.

— Неужели больше ничего нового не выйдет?»

— Ну... только через мой труп.

— Помилуйте!

— Мой издатель взял с меня разрешение опубликовать ещё десять моих рассказов. Самых ранних.

— Это уже хорошая новость.

— Как по мне. Без разницы.»

Йори тупо глядел в стену. Лицо его онемело.

– Как это так?

Не будет больше ни единой книги. Ни единого рассказа.

Ещё много-много лет.

Красное удушье ползло от ног к горлу. Йори показались, вены на его руках почернели. Со стороны он выглядел страшнее, мертвенно бледный, словно снова получил мячом по голове.

Пугающий озноб охватил все его конечности. Борясь и судорожно глотая воздух, Тамура наконец пришёл в себя. Красная болезнь отступила на мгновение. Но лишь чтобы уступить маленькой желтой точке. Дурно пахнувшей крошечной лужице, всегда находящейся за твоим затылком. И нет никакой возможности её стереть.

– Это не может быть правдой!

Ты сам это только что прочитал

– Снаудер не мог так поступить. Это какая-то ошибка!

Ты ещё скажи, что перевод плохой

– Надо поговорить со стариком из лавки.

Что такое происходит?

Я чувствую что-то странное здесь внутри

AAA!

Кровавая болезнь вновь наступила. Раскалённая стрела прорезала новую, жгущуюся извилину.

– Но уже поздно. Что же делать?! Что же делать!!!

Металлический штырь бешено завращался, перемалывая воспалённый мозг в кашу. Тамура вскрикнул от боли.

Пытаясь остудить боль и воздух, он открыл все краны с холодной водой и поливал свой затылок ледяным душем. На мгновение боль прекратилась. Но очень скоро в голову ворвался треск, дрожь стремительно твердеющего льда. Тамура повернул кран обратно. Встал перед зеркалом и ещё долго трясся от холода, словно только что выкованный меч.

Твёрдый.

Острый.

Решительный.

И под огромным давлением.

Тамура на дрожащих ногах выскочил из съёмной квартиры, с грохотом пробежал по металлической лестнице и с книгой в руках побежал к «Лунному Лососю». Холодный ночной ветер обдувал его горячие виски. Звёзды на чистом небе сияли, как маленькие кристаллы морской соли.

В одних шлёпках и домашнем халате он остановился у входа в магазин лунного лосося. И принялся дёргать ручку двери. Дверь не поддавалась и Тамура хотел уже начать ломиться в стекло и занёс руку для удара, но вовремя опомнился. В отражении он увидел своё скорченное больной гримасой лицо и яркий круглый блик с двумя стрелочками у себя на руке. Он посмотрел на подаренные братом часы.

Было два часа ночи.

Вполне естественно, что в магазине никого не было. И сколько шуму, должно быть, производило всё устроенное им действо. Тамуре на мгновение стало стыдно. От одной мысли, что кто-то видел момент его позорного, даже страстного поведения, сердце окуналось в жидкий лёд.

Он затравленно осмотрелся по сторонам, но вокруг царил тишина. Ни единой души, ни единого звука. Только слабое гудение фонарей. Даже пыль, обычно поднимаемая ветром осела и остыла.

Тамура выглянул за угол, но картина не переменилась. Он снова почувствовал себя ненаказанным вором, провинившимся без кары, преступником без палача. Воспоминания перенесли его в офис. Вот только начальница всё никак не хотела подходить, история всё не хотела заканчиваться.

Даже ни одно окно не загорелось.

Йори, с книгой в руках, ходил по пустым улицам и чувствовал себя невидимкой. Ему срочно нужен был индеец. Нужно говорить с ним. Любая правда, любая ложь. Только бы поскорее отрезать от себя момент ожидания.

Быть может, всё это интервью – просто шутка?

Что если никакого фестиваля горящего флага не существует?

Действительно ли Шнаудер вообще писал эти рассказы, а не просто на ходу придумал байку про них, чтобы развлечь публику?

Нет, всё это бред. Не в манере Снаудера так шутить.

Он уходит и на этом всё. Но мне надо. Надо услышать это из других, живых уст. От того, кому можно доверять.

– Мне нужен этот Бангорец.

Но как я его найду?

– Я ведь даже не знаю его адреса...

В отчаянии Тамура приступил к исследованию окон. Он робко заглядывал то в одно, то в другое. Перемещался медленно, чуть ли не на цыпочках, стараясь не произвести лишнего звука.

Но серые маленькие комнаты с однообразным убранством не давали ни малейшего намёка на присутствие иностранца. Как странно, что им не пришло в голову уточнить адреса друг друга. Видимо, это им было совсем не важно, ведь куда больший интерес представлял Ганс Снаудер со своим романом.

– Великий человек... – прошептал Тамура.

В своих поисках он даже поднялся по лестнице и заглянул в окно бывшего хозяина блю-рея, но квартира оказалась пустой и в темноте выглядела ободранной, точно немытая кастрюля.

Тамура наклонился и откинул маленькую форточку для писем, но через неё он не смог разглядеть ничего нового. С лёгким хлопком от опустил дверцу. Разогнулся и почувствовал резкую боль в затылке. Хрящи, соединяющие позвонок-атлант с основанием черепа, издали дикий оглушающий

хруст. Стрела в голове снова зажглась и начала бешено вращаться.

Тамура опустился на колени, выронив книжку, и одной рукой схватился за голову. Он кричал безумно. Молча. Гримаза острой нестерпимой боли застыла на его лице и только летучие мышцы могли бы услышать его.

Чтобы сбавить боль внутри головы, Йори собрал пучок волос в косичку и с силой потянул. Множество маленьких тёплых точек на коже сначала неприятно дёрнули кожу, потом подарили ему блаженство обезболивания.

Как же это приятно иногда... ничего не чувствовать.

Проделанная операция сработала и Тамура наконец смог открыть глаза. Более-менее ровное дыхание вернулось к нему. Но было что-то... новое.

Горячая стрелка, словно компас, замерла в одном направлении. И более того, казалось, она указывала в одну конкретную, совсем недалёкую точку. Тамура не знал, как это работает. Но он будто бы интуитивно видел сквозь стены. Как артиллерист строит траекторию к своей цели, не видя её, собираясь выстрелить с навесом.

Находясь на втором этаже, он подобрал книгу, поднялся и устремил свой пытливый взор туда. Совсем не далеко. Всего в двух улицах. Чтобы видеть цель, не обязательно даже было смотреть.

Он мог бы дойти туда и с закрытыми глазами.

Это было удивительно. Даже сверхъестественно. Но Таму-

ра не хотел разбираться в природе этого чувства. Его коло-
тил озноб. И всё, чего он хотел – это поскорее разделаться
со своими вопросами.

Тамура посмотрел на часы и шатающимися шагами пошёл
к заветной двери.

На часах было 3:13.

Шаг. Ещё один. И ещё.

Тамура остановился у странно украшенной двери. На ней
был будто бы нарисованный орнамент, однако при ближай-
шем рассмотрении оказалось, что это прибитый толстыми
скрепками ковёр из странной очень твёрдой ткани. Как буд-
то бы из африканских дредов.

Стрела отпустила его голову. Он немного помялся, пе-
реступая с ноги на ногу. Затем всё-таки решился, сделал
несколько размеренных вдохов и позвонил в звонок.

За дверью послышалось лёгкое копошение. Несколько
гулких шагов, как будто кто-то спрыгнул с кровати и вдруг
тишина.

Тамура прилип ухом к двери, подслушивая и тут же боль-
но получил резко открывшейся дверью в висок. Почесав
ушибленное место, он посмотрел на недовольного индийца.
Старик стоял слегка пригнувшись, с палкой в одной руке и
с крошечным пистолетом в другой. Увидев Тамуру, он успо-

коился, опустил палку, расправил плечи и мигом подобрел в лице.

– А, это вы, мой юный друг... Что привело вас ко мне в столь... ээээ.

Четыре часа ночи – мелькнуло в голове.

– Я... приношу извинения. Но дело, ради которого я пришёл, не терпит отлагательств.

Тамура поднял книгу на уровне груди.

– Ааа, вы про это – сказал старик, одним щелчком переключая пистолет на предохранитель и опуская его в широкий карман – дочитали?

– Так точно.

– Ну и как вам? – он широким жестом пригласил его в крошечную прихожую.

Тамура быстро разулся, окунул пыльные ноги в прямоугольный тазик с холодной водой и вытер ноги о полотенца.

– Филигранная вещь. Никогда такого не читал. Однако...

– Что-нибудь не так? – старик тихо закрыл дверь и отложил палку в угол.

– В одном из последних интервью, тех, что с фестиваля “Burning Flag”, Снаудер говорит, что больше не будет писать... ни строчкой больше.

– Что ж, это вполне в его духе. Малый заслужил свой отдых, я полагаю – старик иронично подмигнул – хотите чаю?

– Да, пожалуй. Чёрный и покрепче.

– У вас шалит давление?

– Может быть... скорее, стрела в черепе.

– Купидон промахнулся?

– Нет, это... другое.

– Мм?

– Не берите... – Тамура осмотрелся и заметил на стене огромный американский флаг, подпаленный, весь утыканный металлическими клипсами – ... в голову.

– Было дело – продолжал старик – мы со Шнаудером даже играли в покер, нарды и бильярд, ходили в одну баню и встречали друг друга на премьерах кинофестивалей... но это было давно.

– Так вы лично знакомы?!

– В каком-то смысле да.

– Как это понимать? – Тамура сел за круглый стеклянный столик перед. Старик поставил кружку с напитком на стол и опустился на смятую постель.

– Ещё лет пять назад этот человек горел своим делом. Знаете... такая кипучая юность. Он любил атмосферу прошлого. Книжки вылетали из под его пера и печатных машинок, как пули, жая в самое сердце... но три года назад по его работе сняли фильм. И он в корне переменялся.

Старик отхлебнул горячего чая из своей кружки.

– Как же?

– Оболочка была та же. Та же кожаная куртка, те же полосатая рубашка и брюки. Но глаза...

На этом моменте индеец снял вспотевшие от пара очки и

протёр их мягким пледом.

– Они застыли, похолодели. Он обозлился на весь мир. Печатную машинку и перо ему заменил алюминиевый макбук, вот уж пошлость. Он вырезал своё сердце и сунул его в карман. И, право, я не знаю, бьётся ли оно ещё. Помнит ли он теперь, что оно у него когда-то было.

– Что-то было не так с фильмом.

– Я полагаю... он разочаровался. Он получил деньги, славу, признание и от этого сломался. Думаю, ему нравилось быть в стороне. Невидимым, почти никому не нужным. В этом ведь есть какая-то отрешённость, духовность. А теперь продюсеры гоняются за ним, видя в нём только пекинскую утку, фаршированную деньгами, а он их шлёт куда подальше. К тому же...

Тут старик сделал небольшую паузу и опустил взгляд.

– К тому же я думаю, его очень сильно ударило по голове воплощение своих иллюзий. Одно дело представлять свои истории в мечтах, строить песочные замки из воздуха. Они всегда идеальные, к ним всегда приятно возвращаться. Когда облакаешь их в слова, они теряют некоторую часть своей привлекательности, но... остаются вне твоей памяти, навечно. Когда же отдаёшь свою историю другому человеку на откуп, позволяешь менять её, иллюстрировать, показывать чужое представление о ней... это больно. На экране вылезают все недостатки твоих историй. Более того, далеко не все их них можно снять. Многие книги умудряются говорить с

нами больше языком чувств и переживаний. В то время как кино ищет материальное, визуальное воплощение всему, даже темпу повествования. И оно не думает останавливаться.

– Так он просто не выдержал несовершенства?

– Да. На экране вылез каждый прыщик, каждая складочка, каждый жировик и седой волос. Они кололи его глаза и он надел чёрные слепые очки, точно щит. Мне кажется... он совершил ошибку, выйдя на широкую аудиторию, потому что все свои книги он писал в первую очередь для себя.

Тамура остудил свой чай бесшумным дыханием и едва хлебнул. Индеец уже отставил пустую кружку в сторону и, довольный, провёл обожжённым языком по передним верхним зубам.

– Но любой автор говорит со своими читателями определённым языком. И если он хочет быть понятным, то должен соблюдать определённые правила общения. Это своеобразная плата за вход в игру за бессмертие. Проблема в том, что Ганс хотел вступить в этот клуб вечных душ и... в то же время страстно желал смерти.

– То есть он хотел быть вне общества и не мог без него жить?

– Этот человек – старик поднял указательный палец – сплошное противоречие.

– Мне нужно говорить с ним.

Тамура сложил несколько рубашек, смену обуви и штанов, документы, часы и мобильный. Щёлкнул замком и огляделся. Впервые за многие годы его комната была прибрана, вымыта, с педантичным вниманием вычищена. Пропали завалы из книг. Оказалось, почти всех их с успехом вмещают стеллажи, если их составить в плотные ряды – какие-то подклеить, какие-то спрессовать квадратной гирей. Литература, побывавшая под давлением, так сказать. Некоторые особенно ценные экземпляры он отдал на хранение Индийцу.

Йори закрыл балкон, вернулся к кровати и ненадолго задумался. Надо было хорошенько всё снова обмозговать. На постели лежал полный чемодан и злополучная книга без цветной суперобложки.

Держа веки закрытыми, он снова пытался вернуть свою горящую стрелу.

Уже второй год шли переговоры о ужесточении визового режима между Японией и новой Зеландией. Но пока что Тамура мог спокойно отправиться туда через New Zealand Electronic Travel Authority (NzeTA), так что о визе не приходилось беспокоиться ещё на ближайшие 90 дней. Но кто знает. Сколько придётся там пробыть.

Это сумасшествие!

Тамура бросал работу, никому ничего не сказав.

На что ты будешь жить?

Столько лет снимал эту квартиру и что теперь...

– Заткнись!

Ты сам с собой говоришь

– Знаю. Программа безвизового въезда началась в 2009 году. И уже 18 лет японцы путешествуют туда и обратно свободно, летая с одних островов на другие, как чёрные птицы с белыми воротничками. Жестокие пингвины, оседлавшие стальных драконов.

Самолёты алюминиевые. Ты думаешь как Шнаудер. Снова.

– Я еду к нему.

Старик рассказал ему, где сейчас обитает Ганс Снаудер. В самом центре страны.

В кармане уже лежал билет.

Хоккайдо. Аэропорт Асахикава – Аэропорт Окленд. Ray Emery Drive, Māngere, Auckland 2017, Новая Зеландия.

Но как же твоя работа!

Ведь это в высшей степени неприлично, оставить их всех здесь, в неведении. Они ведь твоя семья!

– Нет. И никогда не были.

Билет всё ещё можно вернуть!

– Надо хорошенько всё снова обдумать...

...он не напивался до беспамятства по выходным и не грезил об очередной вечеринке... сидя в белоснежном офисе.

О наркотиках он только читал.

Ганс Снаудер и был его наркотиком. Его порнографией, его обезболивающим.

Йори задумчиво покачивался из стороны в сторону, стоя посередине комнаты. Сделав один неуверенный шаг, он стукнулся мизинцем о что-то твёрдое – пнул ногой странной формы предмет под кроватью и тот вылетел из-под неё.

Это был толстый томик Shonen Jump-а.

Тамура раскрыл 600-страничный журнал. В одном из кадров гордый мальчик в глупом обтягивающем костюме с “петушиным гребнем” из чёрных резиновых шаров наставлял палец на кого-то за пределами страницы и говорил:

“Настоящим героям не нужны таблетки”

Снаудер был сильнее всяких таблеток.

Сильнее эксплансивных пуль.

Сильнее маленького пистолета.

Сильнее палки.

Сильнее самой отморозенной порнографии.

Он был даже сильнее магазинного каталога.

Снаудер был...

Горящей стрелой.

Даже с закрытыми глазами Тамура мог видеть аэропорт. Всё, что оставалось – это навесом забросить себя точно в цель. Как детишки забрасывают мяч в кольцо. Как артилле-

рист посылает снаряд, не видя самой мишени.

На замке из воздуха не вылезло ни единого прыщика, ни одной складочки, жировика или седого волоса. Ничто не могло смутить его глаз.

– Мама говорила, что я прекрасная пуля...

И однажды стану звездой.

– В чьей-то голове.

18 лет японцы путешествуют туда и обратно свободно... как чёрные птицы. Но власти уже говорят о прекращении безвизового режима.

– Когда ещё мне успеть? Такой шанс выпадает лишь единожды.

Другого шанса не будет

– Решено.

Стрела продолжала гореть.

Хоккайдо. Такой родной и огромный город. Тамура отключил всё водо- и электро-обеспечение, простился с хозяйкой съёмной квартиры. Оставил ей ключи. Денег оставалось впритык, а в Окленде обещали холодную погоду.

Это безумие!

– Перетерплю. Всё что мне надо, это попросить его о маленьком одолжении.

А вдруг он тебя пошлёт?

– Я скажу ему, что пришёл к нему от старого друга, выразить признательность и... и...

Ты ведь даже не знаешь, где он живёт.

– Знаю. Челтнем Бич. Один из красивейших пляжей.

А вдруг он сейчас где-то далеко. Тебе не приходило в голову, что люди могут менять место жительства.

– Умолкни.

Образумься, почём тебе знать, что старик не ошибся?!

– У меня есть стрела в голове.

И ты отлично чувствуешь

– Что она говорит.

Молодой клерк, Йори Тамура спустился на первый этаж своего дома, повернул за угол и споткнулся обо что-то мягкое и пыльное.

Тебя ноги еле держат, иди к врачу

– Что за чёрт?!

Это был тот самый плед. С рыжим прямоугольником.

– Ну, наконец-то руки дошли его поднять.

Тамура горько усмехнулся. Сколько же времени прошло...

– Ничего страшного – убеждал он себя – уж теперь не замёрзнем.

Йори перекинул пыльный кусок материи через плечо и отправился к дороге, у которой ещё недавно валялся в беспя-

мятстве, с резкой болью в виске. Он поймал такси, закрыл глаза и уехал в Аэропорт.

Окленд встретил его холодно. Равнодушно. Никто не держал табличку с его именем. Таксисты обходили стороной, будто не замечая. Тамура даже не думал, где остановиться. Денег хватало только на еду и обратный билет. Туристическая Nzeta позволяла многое. Например, пренебречь удобствами вроде жилища. Чем Тамура (как настоящий наркоман) и воспользовался.

До Челтнемского пляжа он прошёл пешком, по дороге заглянув в банк и разменяв часть иен на новозеландские доллары. На каждый доллар приходилось почти 79 иен. Тамура старался экономить на всём. Он запасся самыми дешёвыми консервами и чистой водой со сладкой газировкой. Неся тяжёлые пакеты, он обливался потом, но ветряная погода спасла его от перегрева. Дорога заняла около шести с половиной часов и когда Тамура добрался до заветного пляжа. Была глубокая ночь.

Измощённый, он сложил свои пожитки в яму и уснул.

Громкие крики чаек и острый луч солнечного света разбудили его рано утром. Поспать пришлось считанные часы, однако Тамура чувствовал себя на подъёме. Он встал, отряхнул свои покрытые песком туфли и осмотрелся.

Стрела в голове будто бы застыла. Но с каждой секундой она всё сильнее и сильнее нагревалась. Это чувствовалось, однако за этим не следовало желанного ожога.

– Может ли это быть... Снаудер рядом, но... при этом так...

Далеко.

– Да.

Тамура почувствовал холодное урчание в животе. Он опустил две банки морских консервов и закусил их рисовыми сухарями, запил сладкой газировкой. Не лучшая диета для зубов.

Понемногу пляж заполнился людьми. Женщины, дети, пузатые и крепкие мужчины.

Йори выкопал небольшую яму у раскидистого дерева, стоявшего посередине пляжа, сложил пакет с едой в углубление и поплотнее обмотался пледом. Вряд ли кому-то придёт в голову воровать. И всё же. Он достал свой гигиенический набор, положил чемодан над ямой и придавил его большим камнем. Спустился к воде и почистил зубы морской водой из походной кружки.

Весь оставшийся день он бродил вокруг прибрежных домов. Стрелочка то зажигалась, то гасла. Снаудера рядом не было. Физически. Но Тамура явственно чувствовал его следы.

Скоро вечер стянул грозовые облака и прошёлся лёгким дождём мимо. Остаток дня Йори просидел под деревом.

Следующие два дня он провел там же, у моря. Он читал. Добил остатки еды и снова и снова нарезал круги, как акула вокруг добычи.

Яркое палящее солнце сменялось сильным ветром и густыми дождями. Тамура успел насквозь пропотеть, испачкаться в песке и несколько раз промокнуть. От него дурно пахло. Один раз он даже решился окунуться в солёную воду. Это было страшно. Вокруг все говорили на непонятной смеси языков. Многие на английском. Что же они о нём думали?

Тамура снял чёрные туфли, закатал штанины и вошёл в воду по колено. Люди странно смотрели на него. Какая-то мама взяла свою крохотную дочь и в панике потащила её домой. Им он явно не нравился, но был слишком не похож на простого бездомного. В нём чувствовалась плохо скрытая искра безумия.

Оно надвигалось волной. Тамура, прожаренный полуденным солнцем, устал бегать за тенью и, войдя в солёную воду, почувствовал умиротворение. Шипящее умиротворение, которое испытывает раскалённый меч, погружаясь в воду. Дни здесь палящие, а вот ночи закаляют.

Он расправил руки, закрыл глаза, глубоко вдохнул и (не глядя) прыгнул в воду спиной вперёд. Лёгкость, с какой она держала его на плаву, на миг вернула его в беззаботное детство. Он распластался на воде, как лягушка. И приятно грезил, остужаясь. Но вдруг резкая боль прервала идиллию. Маленький Тамура сорвался и упал, ударившись головой о же-

лезный буй. Вода хлынула в ноздри.

Взрослый Йори забарахтался, ударил ногой о дно и, словно дельфин, выпрыгнул из воды. Не такая уж и большая глубина нужна, чтобы утонуть. Тамура стоял по плечи в воде. Мокрая одежда приятно липла к пористой загорелой коже.

Он вышел, на пляже никого не было.

Надвигалась туча. Он стоял. Одинокая спица. Как роспись в паспорте.

Спустя время холодный ветер налетел на побережье. Тамура трясся, укутанный в плед, весь сырой и колючий от кристалликов соли. Шум ветра не давал уснуть, но в то же время болезненно баюкал его. В полусне он думал...

А что, если Снаудера вообще нет?

Тамура хотел предстать перед ним во всей красе...

Что если это всё мне просто приснилось...

В чистой рубашке...

A predatory sea snail blurred in the young Rene's eyes...

Хищная морская улитка расплылась в глазах юной Рене...

...dream enveloped her limp body...

От холода всё тело дрожало. Тамура достал ненавистную книжку. Не ту, что подарил бангорец. Ту, ту самую, первую. Ужасная печать. Ужасный перевод, отвратительная бумага.

Боги, как же холодно.

Страница. Страница. Ещё одна. Иссохшие от ветра руки рвали их. Тамура терзал книжку. Одну за другой, одну за другой. Страницы, страницы, страницы.

Охваченный отвращением, он изорвал её в один огромный цветок, запихнул его в опустевшую яму и бросил в неё с трудом зажжённую спичку. Огонь очищал память. Неприятные воспоминания горели. Никакого мазута. Никакой нефти. Этот запах природной чистоты он запомнит надолго.

и уносил в далёкие миры, что испокон веков находятся во власти Морфея. Раковина её закрутилась...

Кристалликов на сохнущей одежде становилось всё больше.

...merged into one monolithic obelisk and cut through a cascade ...

...шесть.

Мысли дробились. Грань между сном и реальностью стиралась всё сильнее. Вдруг Тамура сквозь прочие шумы едва услышал звук ключей в замке и чей-то раздражённый голос. В замке того самого дома, который он так долго искал.

– Я, это я-то? Да пошла ты нахрен, долбаная шлюха!

Стрела повернулась на 180 градусов и больно пронзила затылок. Рата-роуд десять, Дэвонпорт, Окленд, 0624. Стрела не промахнулась.

Ветер сорвал с него грязный плед и унёс его далеко-далеко

в море. В сторону острова Рангитото. Взъерошенный, Тамура размял онемевшее от ветра лицо, выхватил из чемодана в яме чистый пиджак и побежал с ним в руках по направлению стрелы. Стопроцентное попадание. Убит наповал. Так радуется охотник, подстрелив оленя. Пуля нашла свою цель и стала маленькой звездой.

Но не только это заставляло сердце молодого человека радостно биться и гонять по крови чистое счастье.

Он слышал чужие английские слова. Но были они как родные. Будто в голове сидит суфлёр и без единого звука старательно пересказывает всё услышанное.

Страх перед языком пропал.

Казалось, мысль Снаудера наконец-то пробил барьер и ударила ключом во всеуслышание.

...Сжатая в один монолитный обелиск и прорезалась каскадом фонтанов в шесть этажей.

Ещё не видя любимого писателя, Тамура вдруг остановился за поворотом. Огненная стрела влекла его. Но маленькая льдинка в сердце больно кольнула. Это была не льдинка. Кристаллики побуревшей морской соли на рубашке неприятно липли и кололись.

Может, стоит вернуться? Переодеться...

Из-за забора снова донеслись громкие ругательства. Та-

мура накинуд пиджак и расправил штаны. На пальцах остались липкие кристаллы с серебристой коркой и разных оттенков вкраплениями, словно ржавчина.

Ржавчина на боевом мече. Так-то ты приветствуешь своего хозяина?

Переборов стыд, Тамура шагнул на участок. Десятый дом на Рата-роуд. Ворота были открыты. На парковке дома стоял незапертый автомобиль неизвестной Тамуре марки, весь в пробоинах, изъеденный огромной химической молью. Во всяком случае такая аналогия напрашивалась. Ещё одна солёная льдинка кольнула Йори в сердце. Может ли бог разъезжать в ржавой тарантайке?

Кто сказал тебе, что это его машина.

– И правда.

Из-за стен раздались несколько громких криков. Дверь в дом распахнулась и из него выбежал неопределённого возраста светловолосый человек. На нём были слепые чёрные очки. Кожа его была высушенной. Видимо, постаралось местное солнце. Там, где она обхватывала трицепсы и непокрытые шортами икры, дрябло болтались ещё короткие кожные мешки. Человек был загорелым. С трёх-четырёхдневной щетиной. На лице его читались паника и ужас.

Этот блондин на миг бросил на Тамуру взгляд, но из окна раздался гневный крик и парень глянул в сторону двери. На порог выскочила растрёпанная женщина. Такая же сухая. На ней были короткие потрёпанные джинсовые шорты с

расстёгнутой шириной. Трусики на ней явно не было, либо у них такая неестественно короткая посадка, что можно было разглядеть поросший острой чёрной щетинкой лобок. Её растрёпанные охристые кудри обрамляли лоснящееся лицо с первыми морщинами и плохо покрашенными кругами под глазами. Её широко расставленные в дверном проёме руки держали меж собой плотный чёрный топик и короткую куртку из кождама жёлтого цвета со следами отваливающегося покрытия, точно кусочки шпатлёвки на старом потолке. Женщина стремительно теряла свою природную привлекательность, постепенно рассыпаясь.

В голове Йори мелькнул образ сдуваемого ветром песочного замка.

– Ах вот ты где, говна кусок!

Женщина злобно рванула раскрытую дверь, выдернув из неё облезлую ручку. В следующее мгновение она запустила её в жилистого блондина в гавайской рубашке.

Тамура всегда представлял его себе всего в чёрном. Загадочного, как пустота. Но вот он. Весь цветной, пёстрый, как попугай и такой...

Снаудер еле уклонился от летящей дверной ручки и кинулся нарезать круги вокруг дома, жалко хлюпая шлёпанцами. Секунд тридцать они бегали друг за другом по всему участку. Женщина сняла одну туфлю, затем другую и по очереди запустила ими в павшего героя. Сделав крюк по участку, они вернулись ко входу. Дав крюк, они сцепились у вхо-

да, навешивая друг другу оплеухи. Щедро обмениваясь ругательствами и тычками. Один из них даже прилетел Тамуре, когда Снаудер попытался спрятаться за ним.

В конце концов попугай в гавайской майке в гавайской майке и шлёпках попытался спрятаться в доме, но поскользнулся и упал на ступеньках. Подруга ухватила его за волосы и принялась пинать босыми грязными ногами.

– Урод! Импотент! Червь гальюнный!

Она щедро крестила его самыми последними именами. Награждала пинками и оплеухами, брызжа слюной прямо ему в лицо.

Плевки оседали большими белыми пузырями на круглых чёрных очках. Но всё, что великий литератор мог ей противопоставить, это жалкое бормотание и протянутые вверх в тщетной попытке защититься дряблые руки. Вся поза его с затравленно подогнутыми под себя ногами выражала полную беспомощность перед этой растрёпанной фурией. На короткий миг Тамура впервые увидел его глаз. Не прикрытый очками. Зрачок его сузился, ещё чуть-чуть и мог бы засосать в себя всю вселенную. И вдруг... нет, может быть это только показалось. Потрясённый Тамура уловил едва заметное движение. Снаудер посмотрел на него, будто бы моля о спасении. Всего один короткий молящий взгляд. И Тамура выпрямился, натянулся, как лук. Стал твёрдой огненной стрелой. Острым, точно меч, прокаленный в адском пламени.

Он со звоно вскрыл всю свою ржавчину. Йори стянул с

себя пиджак и в два коротких прыжка добрался до скулящего, барахтающегося клубка дерущихся, словно две дворовые шавки, обезьян и одним уверенным движением накрыл женщину пиджаком. Быстро завязав вокруг узлом рукава, он оттащил женщину и вытолкнул её прочь за ворота.

Снаудер быстро поднялся и с лязгом их запер.

В позе его появилась какая-никакая уверенность. Он явно почувствовал себя в безопасности. Женщина сняла с себя импровизированную смирительную рубашку и продолжила поносить уже их обоих. Она попыталась достать Ганса через прутья ограды, но тот предусмотрительно отошёл на почтительное расстояние. И прежде, чем та ушла, послал ей легким броском обе её туфли одним лёгким броском. Пара обуви стукнулась о фонарный столб и разлетелась в разные стороны. Тамура подумал, что, должно быть, именно в таких любовных ссорах и появляются висящие на проводах кроссовки. Женщина обулась, ещё раз хорошенько плеснула словесной желчью и удалилась. Снаудер послал ей воздушный поцелуй, показав средний палец. Ещё некоторое время он смотрел ей вслед, пока та не скрылась из виду. Только теперь он обратил свое внимание на гостя. Ганс ненадолго отвернулся, пожевал губами и расправил плечи, как будто обдумывая дальнейшие действия.

Тамура не знал, как начать разговор. Он поднял отломанную ручку от двери. Тихо кашлянул. Они обменялись взглядами. И наконец Тамура поздоровался.

– Добрый день, Снаудер-сан.

– Наверное... откуда вы меня знаете? И кто дал вам адрес.

– Никто. Я сам вас нашёл.

– Удивительно.

– Ну то есть... один ваш друг, он из Бангора, рассказал мне, что вы живёте на Челтнем-бич. Номер дома я не знал. У меня в голове есть одна горящая стрела, она указала мне ваш дом, Снаудер-сан.

– Твоя помощь пришлась как нельзя вовремя. Кстати, как тебя?

– О, прошу прощения!

Тамура бросился Гансу в ноги. Тот опешил.

– Меня зовут Йори Тамура. До недавнего времени я жил в Осаке.

– Прекрати валяться у меня в ногах – Снаудер жестом приказал Тамуре подняться, он повиновался – Надо же. По твоему голосу так и не скажешь. То есть, мне тут подумалось, что если бы я не видел, что ты японец, я бы ни за что не подумал... ну, знаешь, ваша братия любит коверкать мой язык. Особенности проблемы у них вызывает звук «Эл». Liberty, Love, Lemon – ахаха – Снаудер расплылся в улыбке – должно быть ничего из этого у вас попросту нет.

– Отчего же. Любви у нас хватает!

– Да? И много женщин ты в этом году уложил на лопатки?

Тамура нахмурился.

Ловко он тебя.

– Ни одной.

– А в прошлом?

– И в прошлом ни одной.

– Странно. Парень ты... – Снаудер окинул его оценивающим взглядом – симпатичный.

Солевые пятна на майке. Белые от соли штаны.

– А это что, сперма у тебя на штанах?

– Прошу меня простить – Тамура по-солдатски прижал руки вдоль бёдер и смущённо поклонился – Я три дня жил на побережье, не имея крова и попросту не успел сменить одежду. Если пожелаете, я могу сходить переодеться.

– Не стоит. Всё это уже достаточно... странно. Если вы понимаете, о чём я.

Снаудер поднялся по ступенькам ко входу в дом и, нервно улыбаясь, протянул руку к поломанной ручке, неосознанно пытаясь её закрыть. Он промахнулся и вдруг потерял равновесие. Тамура было ринулся вперёд, чтобы поймать падающего мужчину, но тот нашёл ногами опору и смог удержать себя от очередного падения (да, просто «удержался на ногах» – не усложняй).

– Не пойми меня неправильно, но... твоё поведение, оно... я очень признателен тебе за помощь с этой старой гаргулей, видит чёрт, один я не справлялся, но... ты говоришь довольно странные вещи. Какая-то стрела, Осака, три дня на пляже, друг из Бангора...

– Прошу простить меня за непрошеное вторжение и сум-

бурный рассказ. Думаю, мне стоит начать с начала.

– Предположим – с сомнением, но не без интереса сказал Снаудер, всё ещё стоя в дверях.

– Вот уже больше двадцати лет как я каждый читаю и перечитываю все ваши работы...

Мужчина несколько напрягся.

– И в Осаке у меня была огромная коллекция всех ваших книг. Она до сих пор там. Понимаете, в Японии так мало людей разделяют мой интерес к вашим, вне сомнения, шедеврам. Однажды... и мне стыдно это признать... – Тамура вспомнил про ручку от двери и подал её Снаудеру, тот, не отрывая от него взгляда, взял предложенный предмет – Однажды я имел непростительную глупость заказать перевод вашей ещё не вышедшей на японском книги. Английский тогда ещё давался мне с огромным трудом. Вернее даже будет сказать, что он не давался мне вовсе. Так вот... перевод был отвратительный. И всё же от осознания причастности к вам я был... как аист в небесах. Всю жизнь рядом с вами я чувствовал себя как клинок в своих ножнах. Пока я был ребёнком, я страдал от одиночества и многих других болей, но познакомившись с вами через книги... я обрёл сильнейшее болеутоляющее. И не было предела моей радости, когда я встретил в своём дворе одного старика (он открыл свой книжный магазинчик), так вот он оказался вашим знакомым. И он подарил мне вашу книгу, надо отметить, с превосходным переводом. «Каскад шесть».

При этих словах лицо Снаудера переменялось в выражении, вот только Тамура никак не мог уловить сути этих изменений.

– Старик был из Индии и много о вас рассказывал.

– Из Индии?

– Совершенно верно.

– Не уверен, что у меня есть такие знакомые. Как, говоришь, его имя?

– Его имя...

Тут Тамура застыл в ступоре. Глупость ли, за это время они с добродушным бангорцем так и не спросили друг друга.

Быть может, живым людям имена и не нужны, кто вообще сказал, что они что-то значат? Присвоить бы каждому номер. Да нет, зачем же – дайте ему заговорить и вы вмиг поймёте, кто перед вами. У мыслей каждого человека есть своя тон, свои круги, свои всходы, свой запах...

– Он не сказал его мне.

– Так, это всё звучит уже крайне подозрительно.

– Простите... простите меня! – Тамура вдруг испугался, что его выгонят. Снаудер выгнул шею, явно заглядывая за калитку.

– Кажется, это там твой пиджак валяется? – Он делал недвусмысленные намёки – Так, давай я сейчас открою ворота и ты... – Он сделал несколько шагов в сторону выхода.

Книга. В ней должна быть его подпись.

– Всё это, конечно, очень трогательно, но, ты сам понимаешь. В Новой Зеландии чтят понятие частной территории. – Он приобнял Тамуру за плечо и собрался было его выпроводить.

– Прошу, повремените – Тамура достал из глубокого кармана брюк книгу с машинной печатью – Вот! – Сказал он, откидывая главную обложку – Это его именная печать.

Снаудер бросил взгляд на красные иероглифы, машинально отвёл глаза в сторону, затем снял очки, убрал руку с плеча Тамуры и посмотрел на печать снова. Взял книгу в руки, бегло пролистал её.

– Аа, этот... Я уж думал, его давно убил этот... филиппинец.

Ладно, если уж старый хрен, можно сказать, поручился за этого японца, наверное, что-то в нём есть – подумал Ганс – он захлопнул книгу и вернул её Тамуре.

– Хорошо, будешь гостем. Но сначала подбери свой пиджак. А то неловко как-то – он немного задумался – а ещё какие-то вещи у тебя есть?

– На песке под деревом лежит чемодан с запаской. Ещё зубная щётка и...

Но Снаудер не слушал, он уже поднялся и попробовал приделывать ручку на её законное место. Тамура разблокировал ворота, вышел на дорогу, поднял пиджак и вернулся.

– А где саквояж?

– Ничего с ним не делается – секунду подумав, он добавил – мне надо с вами говорить.

Снаудер отложил ручку на пол.

– Ну так, никто не мешает.

– Нет. Я имею в виду, мне нужно говорить с вами откровенно.

Снаудер одарил его непонимающим взглядом.

– Это важно.

– Да, но у меня тут... сам видишь – он вернул очки с воротника рубашки на нос и указал на сломанную дверь

– Тогда я помогу?

Тамура подошёл, с трепетом взял у него из рук металлическую деталь с четырьмя саморезами и приложил её к нужному месту. Замок был цел, нужно было только прикрутить её обратно.

– У меня нет инструментов. Я только недавно переехал и не успел как следует обзавестись необходимыми инструментами.

Тамура посмотрел на него сверху-вниз.

– У меня такое не часто.

Йори посмотрел на свои толстые нестриженные ногти.

Глупая затея. И всё же.

Он попробовал закрутить ими один саморез с крестовиной, но на шестом обороте ноготь его обломался. Снаудер улыбнулся с плохо скрываемым удовольствием. Тамура сунул раненый палец в рот, со звуком множества лопающихся

ся маленьких пузырьков всосал кровь из ранки и осмотрел её. Трещина заходила далеко на территорию чувствительной мякоти. Кровь не переставала собираться и уже начала мерно капать. Ганс предложил ему пластырь. И пока он ходил по дому за аптечкой, Тамура нащупал в заднем кармане открывашку от консервов, согнул её здоровыми пальцами пополам и быстро вкрутил три самореза. И уже через считанные минуты он сидел за плотно закрытой дверью в гостевом кресле напротив Снаудера который грел что-то в ложке над маленьким столиком.

Он пытался завести с ним разговор о последнем романе. Но Ганс наотрез отказывался вспоминать хотя бы и одну строчку из него... Он отпирался и, кажется, даже не был всерьёз уверен, что лично писал его. Тамура не выдержал и хотел было снова показать ему книгу, но заметил странный предмет в его руке. Предмет был как будто инопланетный, продолговатый и почти прозрачный. Со множеством чёрных чёрточек и непонятных цифр. Присмотревшись лучше, клерк разглядел, что это шприц.

Снаудер наполнил его тем, что только что нагрел в ложке. Тамура умолк и принялся пожирать своего идола взглядом. Ганс отложил шприц, достал из-под стола какой-то зелёный порошок, занюхал его, предложил Тамуре, тот отказался. После Ганс достал жгут и попросил помочь поставить себе укол.

– Что это?

– А ты не знаешь?

– Ума не приложу.

– О, это такое лекарство. Сердце у меня шалит. А работать с дурным мотором мне никак.

И когда одинокая Рене наконец-то затянула петлю ремня вокруг своей тонкой бледной шеи, впадая в смертельный экстаз...

– Я уже давно не могу работать без моих лекарств – Сказал он, распуская жгут – оххх!

Снаудер закинул голову в блаженстве.

– Подай мне мой – Он неловко попытался указать рукой на нужную вещь – мой мак.

Тamura не сразу нашёл ноутбук. Он был завален какими-то пустыми папками. Снаудер сжал мак коленями и запустил его.

– Было дело, я писал книжки от руки. Потом перешёл на печатную машинку. Как знать, может быть какая-нибудь прелестная фрау... А теперь этот поганый кусок алюминия. Пиши – не пиши – сказал он, потягиваясь – всё одно дерьмо.

Громкий звон заложил Тамуре уши. Экран разлетелся на крупные осколки. Снаудер надел его на деревянную пику перил, ограждавших лестницу на второй этаж.

– И больше ни строчки этой параша. Ни капли дерьма. Никогда больше.

Снаудер странно извивался, двигался, будто бы танцуя.

– Я свободен. Свободен. Свободен – Он говорил с кем-

то далёким, но кто, как он считал, вполне мог его слышать – Нахуй идите, вот вы кто, челядь подзаборная, я всех вас ебал.

Тамура с ужасом смотрел на его.

– Червь гальяунный, как же, как же. И ты, манда дряблая, жопу пососи.

Он снял шлёпанец и запустил им в закрытое окно. По чистому стеклу поползла тонкая трещина. Придя в себя, Тамура ответил.

– Кстати об этом.

– А?!

– О книгах.

– А, да пошли они. Никому они не нужны были, пока этот чёртов фильм не вышел.

– Мне нужны были.

– А?

– Я же рассказывал.

– Да-да, что-то такое припоминаю – Сказал он, поворачиваясь.

Снаудер прерывисто и глубоко вдыхал. Его рот был широко открыт, как у персонажа картины «Крик» Эдварда Мунка. Во рту у него пересохло. Ганс, шатаясь, как моряк, дошёл до буфета, откупорил бутылку и до половины осушил её. Подавился и выплюнул довольно крупный комок прямо на пол. В комнате запахло еловыми шишками, хвоей и множеством других трав. Очевидно, это был какой-то бальзам.

На сердце настала беспощадная зима...

Льдинка вновь кольнула в груди. От увиденного Тамуре подурнело. Отдышавшись, Снаудер начал поносить свои книги. Казалось, войдя в раж он тут же вспомнил и «***Каскад_б***» и многие другие вещи, которые даже такой литературный наркоман, как Тамура, не мог бы с такой скоростью вспоминать, резать и компоновать между собой. На его глазах всё, что было ему дорого, всё, что было свято, сам создатель безвозвратно втаптывал в грязь, ломал и проклинал на вечные муки и разложение. По щекам его покатались слёзы. Тамура зарыдал, как маленькая девчонка.

Как давно я не плакал

– Прошу...

Нет, с меня довольно

– Хватит...

Это больно

Снаудер катался по полу и чертыхался, поносил всё и вся на чём свет стоит.

– Весь мир – порнография. Прав был отец. Порнография – последнее искусство. Последнее, оставшееся в живых.

Эти слова Тамура, пребывая в шоке, как будто бы пропустил мимо ушей.

– Понимаете? Понимаете...

– Что?

– На фестивале “Burning Flag” вы сказали, что у вас есть ещё десять рассказов. Ранних.

– К чёрту их.

– Я понимаю ваше нежелание писать новые.

– Ещё бы, мелкий ты ублюдок.

– С вами плохо обошлись. Но, молю вас. Вы же понимаете, каково это, не иметь доступа к источнику своего счастья.

– Каково же?

– Это как... как вам жить без лекарства.

– Без лекарства? – Снаудер перевернулся на спину и расхохотался.

– Да. Ваши стихи, романы, ваше перо и печатная машинка, ваши слова – это лекарство для меня. Молю... только вы один во всём мире можете меня спасти.

– Их всё равно опубликуют после моей смерти.

– Я не хочу вашей смерти.

– Тебе не придётся долго ждать – Ганс громко расхохотался – Кажется, я скоро кони двину. Свет в конце тоннеля. Длинный и волосатый, как моя двенадцатипёрстная. Жизнь – дерьмо, мой мальчик!

– Нет! Только не это!

– Спокойно. Всё в порядке. Я уже чувствую. Как черви едят меня изнутри.

Тамура втащил Ганса на софу. Тот широко раскинул ноги, как вожак горилл.

– У меня большая-большая коллекция дома. Я обещаю, каждый рассказ послужит мне великим уроком. Прежде чем перечитать его, я проглочу все остальные книги. От первой

до последней буквы. Даже цифры тиражей, все даты с именами редакторов и вашим именем. Это будут самые долгие десять кругов забвения.

В мозгу Снаудера мелькнул образ медового толстяка – ухмыляющегося восточного божества. Жёлтая субстанция стекала с него тонкими-тонкими, но широкими лепестками. Он усмехнулся сквозь чёрные очки.

– Я всё что угодно сделаю – Взмолился Тамура.

В опьянённых глазах за черными очками мелькнул садистский проблеск. Как будто открыли окошко и тут же включили свет. То, что последовало за этой вспышкой, не поддаётся ни какому прощению. Ганс унижал Тамуру, называл червём без крыльев, заставлял целовать его ноги. Обещал дать ему рассказы и тут же брал слова обратно. Заставлял гадать, где лежат черновики. Йори обыскивал полку за полкой, но нигде не было никаких следов. Снаудер заставлял его проклинать родных, друзей, словесно топтать всё, что ему дорого. Он даже обозвал свою начальницу распутной девкой. В какой-то момент Снаудер потребовал отдать кошелёк и Тамура выпотрошил всё его содержимое прямо на диван. Он отдал пиджак, часы, галстук. Снаудер заставил его плюнуть в свой синий японский паспорт и выгрызть из него страницу с местом жительства. Наконец он приказал уткнуться носом ему в пах.

Тамура, окончательно униженный, роняя слёзы, дрожа в ознобе, повиновался.

– Любишь ли ты свою пушку, бога и государство так, как люблю его я!? – Хрипло спросил Снаудер.

– Да... – сквозь слёзы проронил Тамура.

– Я не слышу!

– Даа!

– А теперь слушай сюда.

Снаудер больно сжал его голову бёдрами.

Он достал из-за спинки дивана сигареты и закурил, откинувшись на спину и раскинув руки. Сделав глубокую затяжку и пустив струю в потолок, он опустил голову.

– Смотри на меня!

– Тамура с трудом поднял голову.

Ганс ещё раз затянулся ядовитой папиросой и, выждав паузу, пустил дым прямо в лицо японцу. Тамура закашлялся. Слёзы упали на ширинку шорт. Громкий вонючий взрыв кишечных газов ударил Тамуре прямо в лицо. Он попытался вырваться, но сил не хватило. Откинувшись, Ганс мерзко расхохотался. Наконец он расслабил ноги и Тамура освободился.

Он чувствовал себя в полусне. Униженный, низведённый до зверя, он не находил ни звуков, ни слов, ни иных образов, чтобы выразить свою боль от разочарования. Утешало лишь одно...

– Идолопоклонство... ничего омерзительнее не знаю. Если ты и правда читал мои книги, ты знаешь, как я его ненавижу. Как я его презираю. Я писал их, чтобы посеять семе-

на. Но семена мертвы. Столько хвалили, столько поносили меня, но никто... никто не захотел сделать своё, новое. Я не родил ни одного нового человека. Только это жалкое ничтожество. Наркоман. Мягкая машина с кнопкой удовольствия в голове. А может...

Он снова посмотрел на несчастного японца.

– Ты – единственный, кто никогда не прочтёт ни одного из моих рассказов. Я накажу своим редакторам. Я напишу это в завещании. Это будет выбито на моей могильной доске: «Йори Тамура не прочтёт моих рассказов». Это – то, ради чего я жил. Я родил червя, я же его и брошу на съедение черепахам, слепым кротам. Червь, ты никогда не станешь змеем-соблазнителем, не соблазнишь Еву, не проникнешь в её лоно. Не родишь антихриста. Я прерву твоё существование на корню. Я растопчу тебя, как букашку. Ты не изведешь любви. От твоей болезни не будет лекарства.

От твоей Красной Болезни.

– Видишь эту нижнюю полку с дисками. Там лежат мои тетради. Ты никогда их не получишь.

Снаудер устало положил голову на плечо. Силы покидали его.

– Прошу...

Ганс удавом посмотрел на него. В зрачках его мелькнула животная жестокость.

Красная Болезнь наступила.

– Ни-за-что.

Каждая слеза как капля лавы.

Руки сомкнулись вокруг его шеи.

И когда одинокая Рене наконец-то затянула петлю ремня вокруг своей тонкой бледной шеи, впадая в смертельный экстаз...

Снаудер улыбнулся. Тамура надавил на его горло. Тот принялся отпираться, но не выдержал и, слабо дёргая конечностями, обмяк. Тамура вскочил от испуга. Но увидел, как Ганс снова делает вдох. Он подобрал сколок экрана раненой рукой и прежде чем Ганс пришёл в сознание, полоснул его по горлу.

И прорезалась каскадом фонтанов в шесть этажей

Кровь ринулась прочь из тела. Тамура мысленно кромсал его тело.

Снова, снова и снова.

Один широкий мазок ладонью, полной кровавой густой жижи.

По собственному лицу.

Клинок нашёл свою жертву.

Пуля стала звездой.

Во лбу дикого животного.

Мама говорит, я произошёл от бога.

Папа говорит, я рождён от обезьяны.

Обезьяна. Палка. Человек. Ружьё.

Тамура бросился перерывать личные вещи Ганса. Боевые трофеи. Лекарства от рака 21-го века. Лекарство от одино-

чества.

Карманный бог.

Читая тетради, он испытывал нечто невообразимое. Никогда ещё кривые английские буквы не были такими стройными. Прямыми и понятными. Глотая их, Тамура утопал в рассказах. Полный надежды, он желал скрыться от боли, окружавшей его снаружи и съедавшей его голову изнутри. Стальная стрела вела его от строки к строке. Но погрузиться не получилось. Океан оказался бесконечно длинной пристанью, бродом, в котором даже самое мелкое судно обречено сесть на мель.

Рассказы были пусты, вычурны, даже ничтожны. Английский язык, в считанные минуты ставшие ему родным, теперь казался бедным, примитивным.

Сжигая глазами страницу за страницей, он испепелил последнюю тетрадь и заплакал. Острое напряжение прорезало его тело. Будто к правой ноге и к макушке присоединили два электрода и замкнули фазу.

Тамура катался по полу в адских судорогах, задыхаясь навзрыд. Сознание, слова, картинки и образы рассыпались в его воспалённом и перемолотом раскалённой стрелкой часов мозгу. На какое-то мгновение ему удалось сделать глубокий вдох и, неестественно изогнувшись, кое-как овладеть своим телом. Он встал на ноги, подошёл к зеркалу. Его отражение пережегалось кровавыми пятнами дождя на жидком зеркале, словно вода озера при дожде.

Тамуре захотелось сбежать из своего лица. Голова заболела от новой вспышки боли. Одно лицо потянуло его влево, другое вправо. Тамура готов был поклясться, что в зеркале его лицо растянулось в две зловещие безглазые и беззубые кричащие маски. Борясь с головокружением, он опёрся на руку мёртвого тела. Он попытался сбежать в левую маску, но та, словно однополярный магнит, отвергла его. Тогда он со всей силой повернул голову навстречу правой маске. Невроятными напряжениями мускулов и душевных сил он смог пересилить свою маску и был уже готов влиться в неё, но в самый последний момент...

Холодок прошиб его.

Волосы вздыбились на спине.

Яркий белый свет опалил его глаза.

Белый цвет смерти.

Тамура оказался лицом к лицу с широкой улыбкой разреза на шее Снаудера. Рядом со своим мёртвым карманным богом.

– Голос в моей голове, это всё он. Это он меня заставил. Это всё не я. Это ты.

Но в голове была тишина. Никакого голоса. Никакого другого тебя никогда не существовало. Всё это – твоих рук дело. Только раскалённые стрелки часов в мозгу бешено вращались: секундная, минутная, часовая. Вращались, превращая воспоминания и чувства в кашу, замешанную на чистой боли.

Холод сковал его сердце. Мороз сжал его мозг. От резкого перепада температур кровотоки не выдержал.

Кроваво-синяя вспышка...

Фиолетовый взрыв угасающей боли..

И чёрная кома.

Тамура треснул, как раскалённое стекло в воде.

Это была смертельная кома, не давшая забытья.

У пациента высокий риск апоплексического удара!

Далёкие миры, что испокон веков находятся во власти Морфея, впервые отказались принять в себя жаждущего.

Первого из многих.

Красота и ум в глазах смотрящего подчас в намного большей власти...

31.08.2022

29.11.2022

Под высоким давлением

Роб Макдауэлл любил глубину. Любил немоту Тихого Океана, Любил то чувство, что сопровождает вашу голову, когда давление воды закладывает уши. А ещё он не любил копить вещи. Книги, если ему и доводилось их читать, Роб отдавал знакомым сразу после прочтения. Закладок не делал и не пользовался ими. Его отличала феноменальная память. Страничек Роб не заламывал. Его отличала аккуратность.

Книги, сколько бы раз он их ни прочёл (впрочем, редко больше одного раза) из его рук уходили такими, точно они были свежескупленные – с магазинной полки – нетрёпаннные и чистые.

Интерьер его яхты было лаконичным, но не бедным. Напротив, он подбирал себе вещи исключительно качественные. Предпочитал один раз заплатить, но избавиться себя от необходимости каждый год покупать кучу дешёвого мусора.

Роб не любил копить хлам.

Яхта была добротная, крепкая. Трёхместная. Друзей у него было мало, если вообще были. До недавнего времени у него оставалась одна-единственная подруга детства, Джоан. Или просто Джо. Единственная Джо в его жизни. Они часто вместе ныряли. Отправлялись в короткие однодневные поездки (как они их называли – «трипы») по бескрайним просторам океана и побережий. С ней обычно скучные вещи

приобретали какой-то сакральный, медитативный характер, а вещи интересные становились в разы ярче. В таких трипах казалось, что даже воздух в акваланге приобретал свой странный, но неповторимый вкус, а рыбы вдруг принимались улыбаться и хихикать. Сейчас же они молчали.

Полгода назад её забрал океан. С тех пор настоящих друзей у Роба не было. Только знакомые.

На борту яхты был один «погребок», оборудованный для хранения вин. Но Роб держал в нём коробку с дорогими ему вещами. Коробочка была маленькой и вмещала в себя всего три вещи: его детское именованное полотенце, стальную ручку, дед подарил ему её на 11-тилетие, и книжку со сказками с золотой тесьмой и тщательно подклеенным корешком.

Роб завёл традицию: каждый день рождения он брал стальную ручку, книгу со сказками и полотенце и отправлялся совершать короткий обряд:

Перечитать книгу

Помыться и вытереться полотенцем

Записать в дневник стальной ручкой главные события минувшего года

Последний пункт носил интерес исключительно соревновательный. *Соревноваться Роб любил больше всего с собой.* Другие люди были не чета ему. Во всех заплывах аквалангистов он занимал первые места, особенно в конкурсе на поиск монет. Усаживаясь совершить свой ритуал, Роб ещё не знал, что его любимое «соревнование для одного» скоро перерас-

тёт в настоящую Войну.

Войну, которую начала его любимая стихия – вода.

Ему чертовски не хватало Джоан. Телесной близости между ними не было и по вполне очевидным причинам. Они знали друг друга слишком давно. Просто им обоим ЭТО было не нужно. Будь иначе, они бы переспали ещё подростками. Он любил её всем сердцем. Взаимно. Как могут любить только друзья.

Нет, Джо была ему боевой подругой. Человеком, на которого можно было положиться. Потому смириться с её потерей было больно и... невозможно.

Часто, перечитывая сказки, что мы любили в детстве, обнаруживаем новые, до того незаметные смыслы.

У Роба Макдауэлла была как раз одна такая сказка в книге с подклеенным корешком. Называлась она «**Королева Морских Чертей**». Написала её какая-то старушка, жившая в рыбацкой хижине на другом берегу Тихого Океана. И звучала она так:

«Давным-давно жила Королева. Муж её, Земной Король, скоро умер, не оставив ей ребёнка. Молодая Королева любила супруга всем сердцем. Тело его положили в деревянную ладью и сплывили по реке к морю. Королева была безутешна. Она плакала тринадцать дней и двенадцать ночей, отказывалась брать с подносов яства, привезённые со всех семи морей, чтобы её утешить. Ничто не было в силах унять её чёрной

скорби.

Когда же и на тринадцатую ночь королева продолжила свой погребальный плач, ей явился Призрак Моря. Он сказал скорбящей вдове, что муж её жив, но не на земле, а ниже, что за праведную жизнь он на троне снова снова и ныне Король Морей ему имя. А по жене своей тоскует и только её и ждёт и кабы не вода, соль слёз изъела бы его прекрасное лицо. Ныне власть его над морем и под морем, но не дарует она ему утешения.

Королева, обрадованная, последовала за Призраком до самого берега. Спустившись, никем, она коснулась ногами пенной морской бороды и вошла в чёрные воды, навсегда в них исчезнув.

Наутро подданные её, поражённые внезапным исчезновением госпожи, пустились в поиски и не прекращали их три недели, но, не добившись результата, всплакнули, установили ей посмертный монумент, провели панихиду и навсегда простились с ней.

В Морском же Царстве Королеву ждал трон. Но Дух Моря sluкавил, назвав Короля новым хозяином морей. Вместо живого Короля её встретил покрытый тиною скелет. Недвижимый и холодный. Призрак на законные упрёки Королевы ответил, что муж её пока не упокоен и душу его терзают черви. И лишь у неё одной, живой обладательнице голубой крови, есть

власть спасти супруга. Для этого должна она взойти на трон как Королева Морей и править ими, Морскими Тварями, под водой и над водой. И должна она принимать во дворце своём всех утопленников и тех, чьи тела прибыли сюда на погребальных лодках. Должна она провожать их в загробную жизнь. А если она однажды выйдет на берег, так тут же превратится в морскую пену.

Желая спасти мужа от жуткой участи, Королева простила Духу Моря обман и взошла на трон. Рыбы, змеи и Морские Черты возложили ей тёмную корону, покрытую голубыми огоньками, и стали звать её Королевой Морских Чертей. Стала она править над морем и под морем. Мужа своего она проводила в далёкий путь. И принимала каждого утопленника и утопленницу, как дорогих и желанных гостей. И по сей день окна замка её морское дно освещают.»

Именное полотенце, подаренное крёстной ещё в роддоме, лежало и ждало своей очереди. Будь Роб ребёнком, он охотно бы поверил в то, что Джоанн не просто унёс бурлящий поток, но что жива она и всего лишь гостит у Морской Королевы. Уж он нашел бы способ ворваться в её залы и унести с собой подругу – прочь от смерти.

Не такой участи она заслуживала.

Острая, как заноза, боль уколола Роба в грудь.

Это только сказка...

Захлопнув книгу, он ушёл в душ. Глупо было думать, что эту боль можно просто смыть водой.

Покончив со вторым пунктом, поднялся на палубу за капитанский столик. Раскрыв дневник, он занёс стальную ручку над кремовыми страницами. Что писать? «Лучший аквалангист оказался слабее воды», «первые полгода без Джона»?

– Ты был бессилен что-то изменить.

Просидев так час, он не смог выдавить из себя ни слова. Впервые за всю жизнь.

Иногда долгая память – хуже, чем сифилис. Когда случается трагедия, приятные воспоминания впиваются ядовитыми ножами в душу. И от осознания, что так никогда больше не будет, сводит скулы.

На второй день мучений, чтобы сбавить одиночество, Роб пригласил пару знакомых. Они расчехлили на троих ящик пива, до вечера играли в покер, а затем повалились спать. Но это не помогло. Он один из них глаз не сомкнул. И наутро встал раньше всех. Головная боль рвала и метала. От общества этих двоих было тошно. Заварив чай покрепче, Роб понял, что устал от шума волн, ветра и людских голосов. Его снова потянуло на дно, в самое сердце тишины. Тёртые карты. Полые бильярдные шары. Пьяные рожи. Ну их! Рыбы не

мычат и не пышат перегаром.

Тихо собрался и уже в 9:40 он бегал пальцами по дну в поисках чего-нибудь интересного. Чужие люди наверху добивали остатки пива, закинув удочки, и изредка поглядывали на верёвку, с другой стороны закреплённой на поясе Роба.

Прогулка обещала быть долгой.

Провозившись внизу самые прохладные летние часы Роб несколько раз сменял баллон. Первый, второй, третий... Время летело. На дне он чувствовал себя как дома. Он переворачивал ракушки, заигрывал с осьминогами, цеплялся руками за дно, зарываясь пальцами в песок и ловя всем телом лёгкое течение. Дно успокаивало. Никаких красных рож. Только лёгкое приятное мерцание света на песке.

В поисках чего-нибудь интересного Роб забрёл к паре валунов высотой в три его собственных роста. При хорошей погоде их можно было даже разглядеть с яхты. Один из них подпирал другой, так что можно было слышать лёгкий треск от их прикосновений, когда океан наступал и отступал от них. Протиснувшись через каменную арку, он огляделся. На глаза ему попало странное тёмное пятно. Вернувшись через арку, он проплыл в направлении чёрной кляксы. Вскоре удалось разобрать в ней засыпанную песком пещеру.

Опершись о камни, ныряльщик Роб принялся ощупывать края проёма. Вдруг его нога соскользнула и ушла в песок. Где-то там внутри скопился воздух и теперь под ним раскрыли свою пасть, утягивая его всё глубже, **ПОДВОДНЫЕ ЗЫ-**

БУЧИЕ ПЕСКИ!

Лёгкий толчок течения качнул Роба, немного освободив его ногу, но, вернув назад, погрузил его с новой силой. Теперь увязла и вторая нога. Первая ушла в песок по колено. Роб отчаянно дёргал за канат. Течение, в очередной раз толкнув его, больно приложило Роба виском к арке пещеры, отчего тот потерял сознание.

Мгновением позже голодный рот утянул его обмякшее тело на самое дно пещеры.

Очнулся Роб от боли в груди. Последний сделанный вдох дался ему особенно трудно. В крошечной темноте ему удалось нашарить выход: потянув за верёвку, он притянул себя к гряде песка.

Ещё подёргав её, он понял, что канат ушёл глубоко в песок и совсем не поддаётся. Прокопаться назад было невозможно. К тому же в темноте на это уйдёт чёрт знает сколько времени. Он уже ощущал первые признаки кислородного голодания: усталость, головокружение, вялость и чёрные кружочки по краям глаз но хуже всего было то, что... о господи, как же его тошнило!

Закрутив винт рукой, он стянул маску и его тут же вырвало. Горечь рвоты обожгла язык и нёбо. Солёная вода прорвалась сквозь зубы. Остатком воздуха в лёгких Роб выдавил её, отчего мышцы остро сжали рёбра.

Роб впился в маску, проглотил оставшиеся капли воды и

блевотины, тело сдавило ещё сильнее. От боли он был готов потерять сознание снова. Спohватившись, Роб дрожащими руками раскрутил вентиль и бедный на кислород газ позволил сделать спасительный, но... Очень. Болезненный. Вдох.

Пищевод обожгло, точно по нему двигалась проглоченная медуза. Повторить вдох получилось далеко не с первой попытки. И ещё около пяти минут, всплыв спиной к потолку, он приходил в себя.

Пошарив по стенам голыми ладонями, он обнаружил, что пещера имеет два узких прохода. Ещё несколько раз дёрнув за верёвку, он убедился в бесполезности этой затеи.

Время таяло на глазах.

Один из двух проходов вглубину. Это был риск. Однако какой-никакой, но шанс.

Отвязав пояс, Роб сунулся в правый карман, но тут же упёрся в тупик. В левом проходе коридор сильно сужался. Протиснувшись в маленький коридор, ногами он смог вытянуться во весь рост. Наверное, дальше пещера просто огромна и он сможет свободно размахивать всеми конечностями и грести. Чтобы с чего-то начать, Роб всплыл вверх. Голая кожа рук ощутила странное изменение (холодок), коснувшись потолка. Это был воздушный пузырь.

Перебираясь от одного пузыря к другому, Роб нашел большое скопление воздуха в несколько сантиметров толщиной. Средний палец с лёгкостью умещался на всю длину. Прижавшись лицом к пористому потолку, он снял отключенную

маску и сделал несколько глотков. Покалывающее ощущение в затылке и кончиках пальцев, только теперь заметное, пропало. Воздух в баллоне почти кончился.

Это была настоящая война с водой. И Роб её безбожно проигрывал. Снова.

Он натянул маску и наугад завилял по коридорам.

– Я и вправду могу умереть.

Спустя несколько долгих минут, Роб выбрался из сети подводных пещер. Он сразу понял это по чёткому течению и холоду.

Сил не осталось. Тьма вокруг означала, что до поверхности минимум 50 метров. Под водой он провёл не меньше четырёх часов, регулярно сменяя баллоны. Четвёртый был пуст.

Времени подниматься нет, а при резком всплытии мозг устроит ему парад из взрывов боли и кровотечений, так что он неминуемо отключится и на этот раз утонет.

– Это конец.

В глазах появились горящие зелёные и голубые точки, засияло золотое кольцо.

Кожа головы и всё внутри ощущалось как после наркоза на приёме у стоматолога. Все мягкие ткани приятно зудели, умирая.

– Это не просто огоньки

Из темноты выплыла светящаяся корона.

Слабый свет озарил сетчатые глаза глубоководной рыбы.

– *Ко мне пришла морская королева!*

– Роб, у нас мало времени.

– *Королева Морских Чертей!*

– Я могу спасти тебя, ещё не поздно!

– *Что мне делать?*

– На поверхности тебя ждёт смерть...

..Твоё спасение на самом дне.

– *Это не шутки*

– Мы готовы принять тебя в своё царство.

– *Это настоящая Война*

– Ты можешь дышать под водой. Как только ты снимешь маску, на твоей шее вырастут жабры, Роб...

– *Я не чувствую рук*

– И ты сможешь уплыть, плыть вместе с нами, Роб.

– *Я не могу дышать*

– Уплыть вместе с Джоан.

– *Я должен спастись!*

– Она давно с нами.

– *Я смогу*

– Роб, ты можешь стать одним из нас.

– *Я смогу вновь увидеть её*

– Плыви вместе со своей Королевой...

Руки не слушались. Роб замотал головой, пытаясь стянуть душащую маску. Отчаянно дёргаясь, он мотал головой, поднимая клубы ила вокруг. Наконец ему удалось ударить доза-

тором о камень. Маска раскололась.

Тьма окутала его, хлынув в нос, больно ущипнув глаза, обжигая глотку. Лёгкие горели. На секунду он почувствовал зуд прорезавшихся жабр.

Тьма поглотила его.

– Ты один из нас...

23-24.07.2021

26.11.2022

Ci_Ca_Da'

(или смерть по неосторожности)

Мужчина армянской наружности в полицейской форме сел в удобное кресло, вытряхнул несколько пакетов с вещдоками на стол, достал платок из нагрудного кармана и двумя широкими движениями вытер густой пот с лица. Стояла адская жара. Душно.

Слепящее солнце прорезалось сквозь невысокое окно. По правилам безопасности стол был повёрнут лицом к двери.

Еще два часа в его кабинете сновали сотрудники, переставляли папки, сортировали бумаги. Люди плевались, ругались, грязно шутили и всеми силами пытались разрядить нависшее в воздухе напряжение. Когда же основная работа по оформлению бумаг была закончена, помощники удалились и оставили сотрудника наедине со своим соседом.

Армянин разложил пакеты в две разные кучки и выцепил один из них, который положил на середину стола. Это был запачканный глиной и песком диктофон.

Налив себе холодного чая с сахаром, армянин достал чистый блокнот, щёлкнул шариковой ручкой и, переглянувшись с напарником, пустил запись.

Аудио-дневник Григория Сюрдюкова

(Сб) 17-ое июля 2021-го года.

Сегодня мы с моей дочерью Яной остановились недалеко от Сукко. Нас вызвал главный агроном, чтобы выяснить причину рекордного неурожая винограда и зерновых – более того, по непонятной причине то, что успели снять, очень быстро сгнило и в пищу непригодно. Среди прочих бед жители жалуются на толпы мёртвых цикад, заполнивших дороги, от них несёт трупной гнилью, не характерной даже для насекомых.

Всё это связывают с появлением нового вида цикад, который нам поручили изучить. Если причина и правда в них, то распространение вредителей необходимо всеми доступными силами сдерживать.

Также в посёлке бушует неведомая лихорадка, вызывающая острый бред. Врачи ещё не разобрались, как с ней бороться, но смертность у неё высокая. Из 159 известных случаев заражения только 13 не летальных и 1 случай полного выздоровления.

Местные связывают эту болезнь с некими «древними богами», в чём я лично (как и всё здравомыслящее население планеты) склонен видеть скорее симптомы нарождающегося массового психоза. Такие идеи цветут и пахнут, я полагаю, оттого, что заражённые в бреду несут всякий вздор и некоторые впечатлительные личности склонны принимать весь этот словесный салат из неразборчивых звуков за пророче-

ства или контакт с древними богами.

Однако всё это крайне подозрительно.

(Вс) 18-ое июля 2021-го года.

Общались с здешним лавочником. Он, кажется, один из немногих, кто остался на плаву на этом опустевшем рынке. Вокруг много закрытых металлических киосков и шатров.

На этого человека нам указал хозяин коттеджа, который мы сняли за полцены. Лавочник показал нам с дочерью, где раньше жили «огненные» цикады. Это совсем рядом. Ютятся они вокруг реки и уже в полукилометре от неё можно слышать их стрёкот. Мне удалось поймать одну, она была какой-то неестественно... неуклюжей, так что усадить её в банку не составило труда.

Окрас её был вполне обычным: бордово-чёрные корпус, глаза и тело с яркой кричащей рыжей каймой на воротнике и такими же точками на поясе. Крылья её (перепончатые) были тоже покрыты огнём, точно высохшей краской для дорожной разметки. Ножки яркие, брюшко цветное. Хоботок и яйцеклад обычной длины.

Всё это можно заметить даже невооружённым глазом – на месте. Однако есть странность, на которую обратил бы внимание лишь человек, намеренно ищущий несоответствия: отойдя от реки какую-то сотню метров, мы уже не могли слышать их пение.

Проходя рынок, мы собрали десятка с два мёртвых цикад нового вида. Мы немедленно окрестили их «чешуйчатыми»

за пылевой налёт на крыльях, совсем как у бабочек. Эти чешуйки легко прилипали к пальцам, оставляя отпечаток с рисунком. Для каждой особи рисунок уникальный, что странно. Несколько трупиков я рассмотрел детальнее. В отличие от остальных пород, у этой есть характерный охристо-болотный тигриный рисунок по всему телу, яйцеклад и хоботок аномально длинные, а глаза были как будто слепы. Три тушки их мы засушили и сохранили для коллекции. Ещё шесть отправились под нож моей дочери. Три десятка мёртвых тел мы запасли в большой трёхлитровой банке.

Хорошо отужинав, мы легли спать.

(Пн) 19-ое июля 2021-го года.

Мне снился весьма пророческий сон. Сон этот, как ни странно, был моим детским воспоминанием, только с некоторыми творческими вольностями. После завтрака в одиночестве я стал догадываться, к чему была вся эта ночная фантазмагория. И верно. Ни в своей комнате, ни в душе, ни где-либо на улице мне не удалось найти свою дочь.

Она исчезла, не оставив даже записки.

В два часа дня ко мне явился врач, чтобы справиться о том, не страдаю ли я от смены климата и выдал мне набор масок и перчаток. Не слишком своевременно. Я сказал ему о пропаже дочери. Увы, он не нашёл, чем меня успокоить.

Проводив его, я сел читать отчёты о произведённых Яной вскрытиях.

Посмотрел записи Яды, она нашла в чешуйках и крови

цикад некий возбудитель – инфекцию, поражающая все живые ткани.

Мне стало хуже. В ушах появился непонятный морской шум, похожий на шелест листьев. Мне явно стало не хватать воздуха. Я хотел открыть все окна нараспашку, но стоило только потоку горячего ветра коснуться моих щёк, мой мозг, точно от удушья, отказался работать и я провалился в глубокий и болезненный сон. В тот же, что был ночью.

Я стоял на берегу широкой реки, на горизонте едва можно было различить горы, опоясывавшие её. Вокруг витал резвый ветер, пахло тухлятиной и муравьями. Под моими босыми ногами в каждой маленькой ямке на песке лежали сотни и тысячи мёртвых насекомых. Это были огромные толстые чёрные комары с прозрачными хрустальными крыльями. ВЕСЬ пляж был завален ими. Я, в соломенной шляпе, присел и взял одну тварь кончиками пальцев. Спустя несколько секунд она вдруг ожила и спорхнула в сторону воды и вскоре я совершенно потерял её из виду. Ветер донёс до меня странный стрекот и нарастающий шум щелчков как будто бы ломающихся веток. Я увидел, как растут горы, постепенно набирая цвет... через пять секунд я понял, что это огромная волна. Через две секунды меня накрыло и наступила полная темнота.

Проснувшись, я вышел из нашей комнаты и вновь напра-

вился на поиски дочери. Меня слегка шатало, но в моём возрасте чего только не бывает. Тем более эта жара. Я думал, что после ночной работы она или отдыхает в бассейне или где-то спит в гамаке или на раскладушке. Но её нигде не оказалось. Хозяин ничем не смог мне помочь, лишь высказал предположение, что она ушла в город или на пляж.

Это совсем не похоже на Яну – уйти не сказав ни слова и записки не оставив записки.

В поисках я вновь забрёл в рощу у реки, где днём ранее мы слушали пение «огненных» цикад.

И от запаха свежей влажной древесины мне стало лучше. Что меня поразило: в роще царила мёртвая тишина. Но что ещё страшнее: земля была усыпана трупиками «новых» цикад...

До вечера я искал дочь, но так и не нашёл. Завтра пойду в полицию, если она не объявится ночью.

(Вт) 20-ое июля 2021-го года.

(Несколько часов неразборчивых звуков)

(Ср) 21-ое июля 2021-го года.

(Стук в дверь, гнусавое рычание в ответ)

(Чт) 22-ое июля 2021-го года.

(Долгие стоны и звуки бьющихся о стекло насекомых)

(Пт) 23-е июля 2021-го года.

Провалился в бреду и с температурой три с половиной дня. Моя дочь так и не вернулась, однако срезы тел цикад для лабораторных исследований, сделанные ею ещё в ночь

с 18 на 19 июля, лежат на месте. У меня начинают закрадываться неутешительные подозрения. Кроме температуры, ужасной головной боли и тошноты у меня... и в этом страшно признаться, вместо шума... голос в голове. Он говорит со мной на неведомом мне языке и, кажется, говорит злые вещи...

Ещё в воскресенье моя дочь была жива-здорова, а теперь я почти наверняка уверен, что она мертва.

Это сказали мне ОНИ, голоса.

С полудня ИХ стало больше и я начал различать слова. Я слышу постоянный стрёкот.

Так сказали мне голоса.

В дверь раздался стук, но голоса запрещают мне выходить.

Я вдруг почувствовал рукой вибрации. Это оставшиеся в банке цикады – чешуйницы. Они ожили! Быть может, уже не первый день.

Голос сказал мне отпустить их.

Он говорит, что их зовут «Рой»!

Рой -это мы. Мы – это Рой. Рой рождает тебя; Рой живёт тебя; Рой тебя погибает.

Когда ты умрёшь, станешь частью Роя. Он разберёт тебя на мелкие частицы.

Рой навсегда запомнит тебя!

Я открыл трёхлитровую банку. Ожившие цикады, покинув её, уселись на стену. Они говорили со мной. Они знают,

где моя Яна! Они обещали мне показать.

Рой запомнит тебя.

Я должен идти. Во что бы то ни стало. Я спасу дочь. Они говорят, что моя Яна в порядке, но я слабо в это верю. Но у меня нет выбора. Я должен идти.

Рой запомнит тебя.

Конец аудио-дневника

68-милетний энтомолог покинул свои апартаменты в 18 часов 47 минут 23 июня (пятница) 2021 года и ушёл в лес у подножия горы.

Следуя за голосом и лёгкой мелодией, перекричавшей шум в голове. Он следовал зову Роя. В девять часов вечера, измотанный, он достиг огромного заражённого термитника, когда солнце зашло за черту видимости.

Рой умолк.

– Где она?

В ответ гробовое молчание.

– Ты обещал вернуть мне дочь!

Голоса в голове пропали.

– Мы так не договаривались!

Тяжело дыша, старик припал ладонями к правому колену, когда из-за термитного гриба вышла Яда...

– Отец, всё в порядке...

– Дорогая, ты...

– Всё будет хорошо, отец...

- Ты цела... охх, какое облегчение.
- Здесь мы будем в безопасности.
- Да-да, Дорогая, всё будет...
- Рой не забудет нас.
- Дорогая...

Яда запрокинула голову, устремив взгляд в крошечную темноту. Из-за спины её раскрылись чешуйчатые крылья. Быстро маха ими, девушка испустила облако липких блестящих частиц, которые вскоре заполнили собой всё вокруг. И большие старик ничего не мог видеть.

Лишь голос её отдавался эхом в его ушах:

Рой не забудет тебя!

Полиция обнаружила тело пожилого мужчины с обглоданными насекомыми лицом и плечами. Тело торчало из термитника. Все термиты мертвы. Смерть наступила, предположительно, между 21:30 и 22:30 23-го июля 2021-го года.

Ни следов ни тела Яны С. так и не найдено.

Жара спала. Армянин в полицейской форме выключил диктофон. Достал отчётную форму, несколько раз щёлкнул ручкой. Немного нервно переглянулся с товарищем и написал...

Смерть по неосторожности.

21-23.07.2021

07.08.2022

“Огненная Саламандра”

Или лилия в консервной банке

В сердце урагана тишина царит.

Перламутровые круги расходились и исчезали в темноте, точно в холодном чёрном тумане. Затем глаза немного кольнули белые точки взрывающихся звёзд, будто пузырьки содовой.

Эту картину Амели видела каждый день, погружаясь в защитную жидкость внутри тёмной барокамеры, находясь при этом в полудрёме.

Защитный раствор обволакивал её бледное тело, почти не выталкивая его на поверхность. Пара трубочек с тщательно обеззараженным воздухом плотно прилегали к её крошечным ноздрям, питая маленькие лёгкие.

Жужжащий сигнал означенвал конец процедуры. Тонкая полоса света разделила сверкающую фигуру рыжей девушки пополам. Открыв глаза и постепенно начиная приходить в себя, Амели почувствовала, как поршень с широкой подошвой поднимает её из прозрачной жидкости. В барокамере почти не было движения газов, даже лёгкого ветерка, отчего граница между средами воздуха и антисептика, через

которую медленно проходила её кожа, для её рецепторов была почти неразличима. Амели не чувствовала, как подсыхал раствор. Не чувствовала ни лёгкого обветривания ни сухости.

I

Марк Маерс совсем недавно вышел из тюрьмы, куда его упрятали бывшие деловые партнёры. Дядя всегда говорил ему, что он плохо кончит.

Ему твердили это с пяти лет. Потому что он так и не научился завязывать шнурки.

А ещё он не научился выбирать себе друзей, за что вскоре и поплатился. Работа номинальным директором – то ещё скользкое место. Марк надеялся, что успеет навариться и, отыскав себе замену, будет рвать когти как можно дальше. На Карибы. Или на мыс Код. Или ещё на какие острова, где связь не ловит, а полиция, вместо того, чтобы заниматься положенным ей делом, предпочитает отращивать жирок.

Но жизнь довольно скоро схватила Марка за жопу. В приличном обществе принято говорить «взяла за жабры», но то, что произошло с Марком, другими словами не называется. На третьем месяце работы, когда он уже нашёл себе сменщика и только ждал полочки, как гонщик ждёт отмашки перед ралли, в его пыльный, даже не уложенный плиткой, офис вломилась налоговая полиция и надела на его чёрные, как

самый крепкий кофе, лапы кандалы.

Суд не продлился долго. Доказательств было хоть отбавляй. И Марка посадили в зону для налоговых уклонистов. Иначе говоря, для «полных лохов», которые не умели в этой жизни толком ничего. Даже украсть достаточно, чтобы отмазаться.

Тюремные душевая и туалетная комнаты были спроектированы с двумя основными целями: удешевить и унижить и представляли из себя по сути одно помещение. Обе «гигиенические службы» включали одновременно. Причём лейки располагались ровно над белоснежными нужниками, как бы намекая: помылся = подтёрся. Туалетной бумаги не было, а заключённых водили в эту комнату всего один раз в день на 15 минут. И всё же процесс этот доставлял странное смущающее удовольствие.

Интересно, выходили ли наши далёкие предки гадить под дождь, если тот был достаточно тёплым? Так или иначе, они решили оставить нас в молчаливом неведении.

А Марк Маерс пожелал оставить тюрьму и все связанные с нею мерзкие мысли и деньки как можно дальше. Ему удалось сократить срок, занимаясь самой грязной работой, какая только была в штатах: в рабочее время он читал книги и писал по ним хвалебные рецензии, а деньги за это получала тюрьма. В другие смены он грёб дерьмо лопатой или запускал ассенизатор в переполненные нужники. Какая из работ была грязнее, трудно сказать.

Среди книг ему не подалось ни одной хорошей. Люди глотали дерьмо тоннами и ничего другого не хотели.

Среди нужников ему не подалось ни одного чистого. Люди высирали то, что проглотили, даже как следует не переварив.

Что на входе, то и на выходе.

Марку было за что ненавидеть людей.

И всё же он хотел оставить всю эту грязь позади.

Кроме одного. Впереди его ждала ещё большая пучина зловония. И имя этой холодной дыре – месть. Марк не хотел и не мог простить своих более удачливых «друзей». Месть была бы и впрямь последней зловонной клоакой, готовой поглотить его и переварить, если бы не одно но.

Лежа на койке, он каждый день думал об одной девушке, которую видел лишь раз. Во время перерыва в офисе они с коллегами разглядывали каталог торговцев уродами – и им попалась одна из фотографий красотки. Всем она понравилась. У неё была мертвенно-бледная кожа, фиолетовые глаза и два серых пятнышка грудей. И огненные... волосы. Роджер даже порывался купить её, но прежде, чем тот собрал необходимую сумму, объявление с сайта пропало. И Роджер переключился на секретаршу.

Марк хотел обставить всё с таким блеском и размахом, с каким только мог предложить ему мир. И помочь ему в этом собирался его величество доллар.

Дядя Марка не был самых честных правил. Когда наста-

ло время приставиться, он извёл свою семью вечными жалобами, бредовыми просьбами, криками и ругался как сапожник. Однако как его ни упрашивали, завещания он не оставил. К своему счастью, Марк не застал всей этой феерии. И когда он вышел, все родственники уже насмерть перегрызлись. Так что он остался единственным наследником. Даже сейчас, в конце 21го века... нет, особенно сейчас в конце 21го века убийства, отравления и измены были обычным делом. Ни мужчины ни женщины не боялись замарать своих рук или имени и во всём мире расцветал культ гедонизма – последнее пристанище для изуродованной души в преддверии большого взрыва, что должен был родить новый мир.

Марк вышел на свободу в год крысы.

Правда, он этого не знал.

Зато он был теперь не единственным «лохом» в семье, а пожалуй что и самым удачливым её членом. И новый день обещал ему море приятных впечатлений, дорогих чистых наркотиков, шикарных женщин и красивую, как рыбка-султанка, выброшенная на берег, месть.

Вот только через неделю от неё не останется ничего кроме золотистой кожи и высохшего зловонного нутра.

Рыба гниёт с головы.

II

Амели обсохла и прошла в полной темноте в свою туск-

люю комнату. На косметическом столике вдобавок к одно-разовой расчёске лежали несколько разноцветных пар тру-сиков, переливавшихся рыбьей чешуёй, пилочка для ногтей, корона с искусственными перьями, прозрачный лак и чёр-ные стикини.

Сегодня был особенный день. Сегодня в скудной на свет комнате будет устроено настоящее лазерное шоу.

Сегодня из рабыни, заключённой в десятках стен, обмо-танных охладителями и вентиляторами, она превратится в настоящий объект искусства. Всего на несколько недолгих минут. Ещё год или два назад её такое положение дел огор-чало бы и, быть может, вогнало бы в депрессию. Но сегодня это дорогое световое представление для неё было настоящим лучиком света в кромешном царстве тьмы.

Для её хозяев это была всего лишь реклама.

Для Амели это был шанс на новую жизнь. Она могла об-рести новое, быть может даже приятное, общество. На прин-ца на белом коне она не рассчитывала и понимала, что все мужчины или женщины, которым будет позволено войти к ней, будут смотреть на неё в лучшем случае как на диковин-ную зверюшку, в худшем случае, как на приз. Если б не её болезнь, её бы наверняка уже не раз изнасиловали. Если бы не болезнь, она не была бы здесь. Если б не болезнь, за неё не просили бы двадцать миллионов долларов.

Её глаза сверкали сапфирами. Кожа была белой, словно мрамор или кварц. Волосы, даже на лобке, при малейшем

свете отливали кроваво-красным. Её иммунитет не позволял выходить из комнаты без специального шлема и защитного раствора, тщательно распределённого по всей поверхности её белоснежной кожи.

Любое прикосновение могло убить её.

Для Амели это было настоящее спасение.

Для Марка это был настоящий шанс.

III

Словно полная противоположность Амели, Марк был чёрен, как самый крепкий кофе. Настолько крепкий, что традиционную «позорную метку», ему нанесли не синими, а белыми рисовыми чернилами. Метка предстваляла из себя грубую белую стрелу проходящую от темени и кончавшуюся ровно между глаз. В тюрьму Марк попал лысым. Чтобы как-то спрятать позорное клеймо, он заказал у тату-мастера сложный орнамент и отпустил длинную курчавую шевелюру.

На всём теле Амели не было ни единой отметки.

У Марка были огромные сильные лёгкие. Когда его разбирал кашель, казалось, что воеет целый поезд.

Амели ни разу в жизни ничем не болела.

У Марка был такой же крепкий, как его пожелтевшие зубы, иммунитет. Он не боялся подхватить лихорадку или чего похуже и никогда не пил укрепляющих таблеток.

Амели была жива только благодаря им. Им и бесчислен-

ным методам предосторожности. Она была стерильной.

Марк был самым грязным существом на планете Земля. В детстве он даже обгрызал ногти на ногах, хотя при нём всегда были маникюрные ножницы. С возрастом он избавился от этой вредной привычки и обзавёлся десятком ничуть не лучших.

И всё же он был по-своему образован. С пристрастиями, не делавших ни кому чести, но он выучился в средней и старшей школах и окончил первый курс юриспруденции с твёрдой «четыре из пяти». На большее его не хватило. Жажда действий распирала его. Он чувствовал, как время ускользает из его огромных лапищ.

В крошечных руках Амели времени оставалось ещё меньше.

Марку казалось, что ещё чуть-чуть и он сгорит. Тюрьма так и не научила его ждать.

Амели умела ждать, только тем и спасалась.

Жизнь сожгла Марка, но, подобно фениксу, он чудом восстал из пепла.

Амели умела держать себя в руках.

Марк не имел для этого никаких оснований.

IV

Хлопнула герметичная дверь. Из темноты появилась невысокая андрогинная фигура. Нереида нажала на дезин-

фицирующую маску и та раздулась, наливаясь лёгким фиолетовым свечением и стерильным воздухом. Нери не испытывала никаких угрызений совести, продавая людей для увеселений всяких богатых дикарей. Всё, чего она хотела в этой жизни – преуспеть. Не важно как и где. Главное: быть лучшей... и богатой. Ей нравилась роль серого кардинала. Чтобы больше походить на «молодого человека», она удалила себе груди, сидела на гормонах и уже около полугода не ощущала месячных. Такой имидж «бесполого» торговца она выбрала себе, чтобы быть как можно более незаметной мышью, чтобы однажды стать настоящим Крысиным Королём.

В то время слово «беспольный» всё ещё по умолчанию значило «молодой мужчина». Времена бесчисленных квиров, поганивших себе душу изобретением неисчислимого числа гендеров и местоимений сменились новым веком «уродцев» генетических. Безногие, безрукие, гермафродиты-жонглёры и карлики-канатоходцы – вот что будоражило умы богачей. И всё же Нери держала парочку кретинов с раздвоением личности в специальных камерах. Так, на всякий случай. Диверсификация портфеля, так сказать.

В мире торговцев «живым товаром особого назначения» многое было похоже на мир искусства. Тут были и свои разовые покупатели. Был и свой массовый потребитель, сходящий с ума по двойникам Санта-Клауса, Авраама Линкольна и Владимира Путина. Были и свои «ценители», «коллекционеры». Таких выслеживали и обрабатывали годами. Особые

«элитные» уродцы были припасены именно для них. Умелые продавцы постепенно наводили коллекционеров на этих редких мутантов, подсовывая им то одних, то других, постепенно повышая градус и планку и непрерывно мониторя каждый их шаг. Надо было убедиться, что у клиента попросту хватит денег и «товар» будет содержаться в надлежащих условиях. Всё-таки нечто человеческое по-большому извращённое, но по-родительски сильное укоренялось в сердцах этих дельцов.

Наверное, это чувствовали много веков назад короли и королевы, отдавая детей в расчётные браки.

Но Марк Маерс был исключением из правил.

-Ами, сегодня у нас будет особый гость...

Никто ещё не достигал «Олимпа мутантов» так быстро.

-Постарайся ему понравиться.

Всего за каких-то полгода он добрался до них...

-Это по-настоящему большой человек.

До Нереди... до Амели.

-Будь умницей. Не забудь отрететировать все движения.

Им двигало нечто древнее и тёмное.

-Ты настоящее сокровище, Амели.

Что-то, чего Нери не была ещё в состоянии распознать.

Для него не было преград...

-Я... – эти слова дались ей по-настоящему тяжело, ведь она впервые за долгое время обнаружила в себе что-то чело-

веческое – ..Амели... я боюсь за тебя.

Даже ШАНТАЖ.

V

«В душе каждого человека, если только она у него есть, отыщется хоть один маленький... но гадкий секретик... Что-то такое, за что стыдно и страшно, что кушать не можешь»

Это было выцарапано украденной кем-то ложкой на обратной деревянной стороне нар, под которыми спал первую половину своего срока Марк. Засыпая и просыпаясь он постоянно видел эту надпись. За долгие дни она въелась в подкорку так же как надписи с тюремных плакатов «мойте руки перед едой», «сдай инвентарь» и безмолвное «помылся = подтёрся».

Желая как можно быстрее получить в свои руки белоснежную красотку, Марк готовился к решительным и быстрым мерам.

Пригласив Нереиду в свой любимый ресторан, он любезно угощал её всевозможными фруктами и отбивными. Всячески старался раззадорить её аппетит, чтобы слюны выделилось как можно больше, а в конце заказал им по фужеру шампанского. Речь шла о покупке гермафродита-шута с высоким женским голосом.

Но то было лишь прикрытие.

Не сложно было договориться с официантом, чтобы он не уносил фужер «госпожи» в мойку, а оставил его в своём шкафчике и потом принёс его Маерсу. Нужно было как можно больше генетического материала.

Расписавшись в договоре, Марк пропустил Нереиду вперёд и, пока расплачивался по счёту, снял насыщенный мазок с её фужера в колбу. Проводив торговку до машины, он мигом бросился в частную лабораторию, где его уже ждали. В собранном материале он искал как можно больше зацепок, болезней, полезных мутаций – что угодно, что можно было бы использовать в свою пользу.

Через десять дней, сидя в офисе унаследованной фирмы, Марк, получив по почте результат анализа, от радости чуть не подпрыгнул. Да, это был определённо его день.

VI

У Нереиды была редкая мутация, вызывавшая повышенное образование стволовых клеток и, как следствие, ускоренный (даже излишний) рост костных тканей. В 9 лет у неё на затылке начали расти странные костные рожки. Когда они пробили кожу, вызвав угрозу заражения крови, врачи назначили ей операцию по их удалению. В то время агенты рынка уродцев ещё не так широко раскинули свои сети и Нереиде (тогда её звали Сильвия) удалось избежать незавидной участи стать экспонатом в частном зоопарке.

Мать Сильвии была религиозной женщиной и не раз водила её к священникам, чтобы «изгнать бесов, овладевших бедной девочкой», а отец предпочитал проводить время с сыновьям. Поэтому никто не уделил должного внимания задержке её первой менструации. Мать считала, что походы по храмовникам дали свои плоды и её дочь миновало «проклятие крови», о котором говорилось в «священном писании», в этой грязной и подлой книженции, которую породистые черти в рясах не первое поколение продают всяким слабовидящим.

Поэтому, когда между ног Сильвии просочилась первая струйка крови, она в страхе сбежала из дома. Первый раз. Ей было семнадцать.

На шестой раз она ушла окончательно. Зацепилась за одного богатого бездельника и укатила в Париж, ни с кем не простившись. «Сильвия Престейн исчезла среди бела дня. Родители в ужасе» – только и осталось о ней упоминание в местном новостном телеграм-канале. Больше о Сильвии никто не слышал.

Не слышал, потому что перед отъездом она в тайне от родни сменила имя на «Нереида Стардаст». Имя столь же вычурное, сколь безликое в океане приколистов и приколесток. В конце 21го века не иметь какого-нибудь сложного имени считалось полной безвкусицей. Имена вроде Стейси, Влад, Ли и иже с ними носили лишь «старпёры», родившиеся в на-

чале-конце двадцатых.

В Париже бывшая-Сильвия-новая-Нери познакомилась с современным искусством, всё большую опору делавшего на телесность, с древнейшим цирком и кокаином.

Если третье её быстро отпустило, то во второе и первое она погрузилась с головой. Её бойфренда интересовал только секс, третий пункт и путешествия. К сожалению, в постели у них не сложилось и когда он, одурев от наркотиков, попытался взять её силой, Нери, защищаясь, столкнула его с балкона прямо в пустой мусорный бак.

– Там тебе и место...

И с ней трудно не согласиться.

Взяв всю наличку, какую нашла, она села в его машину и гнала как можно дальше, пока не сдох аккумулятор.

Попробовав завести ещё с десятков «знакомств», она поняла, что большинство богатых мальчишек – полное мудло и что для полного счастья ей нужен покладистый и непритязательный мужчина... если вообще нужен. Как бы то ни было, надо раздобыть денег. И не привлекать внимания. Цирк и современное искусство были напичканы деньгами, но вот что до шума... его бывшая-Сильвия не могла стерпеть.

Вода без вкуса

Наша культура – мусор

Живя на дне

Мы ищем плюсы

Эти строчки из дворовой песни, написанной искусственным интеллектом надолго засядут в её голове. Работая закладчицей, она постепенно склотила состояние, но всё же, не смотря на всю аккуратность, однажды попалась копам. Но пока суд над ней шёл, нарко-лоббисты протолкнули законопроект, легализовавший деятельность нарко-картеля во Франции и её, за отсутствием состава преступления, выпустили.

Работая в теперь уже почти официальной фирме, она придумала действенный способ доставлять кислоту и растворимые дженерики в страны, в которых они были запрещены: ими пропитывали средства женской гигиены, а также пакеты с ватой, туалетную бумагу и ватные палочки и диски.

Но цирк никак не отпускал её. Она ходила туда от трёх до девяти раз в месяц. И никак не могла понять, что так её привлекает.

Однажды ей в подборке онлайн-кинотеатра попался старый чёрно-белый фильм «Уродцы». Тогда она и поняла, что к чему. К тому времени она уже принимала гормоны, но только в тех малых дозах, что позволяли сдерживать действие гена. Рынок мутантов тогда лишь возродился и она наивно полагала, что будет там среди своих. Каково же было её разочарование, когда, прознав про её «болезнь», партнёры стали её травить. Она хотела было снова сменить имя, но обошлась усилением дозы гормонов и просто перешла в

другую фирму, вскоре поглотившую её первое пристанище. Больше про свои рога она никому не рассказывала.

VII

– Здравствуйте, я говорю с Нери Стардаст?

– При деловых беседах предпочитаю полное имя, мистер... Майерс?

– Он самый. Нам следует повторить нашу встречу. Мне приглянулся ваш человек-слон, просто прелесть, я слов не нахожу.

– К сожалению, он бронирован на ближайшие полгода, мистер...

– Вы не правильно меня поняли, я хочу купить слона.

– К сожалению, это не возможно.

– Цифра в десять миллионов изменит ваше мнение?

– Я... нет... стоп. Подождите, речь о долларах?

– Да-да, вы не ослышались.

– Я должна переговорить об этом с владельцем...

– Сколько вам нужно времени?

– Завтра будет готов ответ.

– Ещё кое-что. Могу я пригласить вас на ужин?

– Мистер Маерс, я не встречаюсь с мужчинами в рабочее время.

– Чисто деловой ужин.

– Хорошо, у меня есть окно в среду.

– Тогда в том же месте в то же время?

– Хорошо.

– Вы не пожалеете.

– ТОЛЬКО деловая встреча.

– Я сделаю вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

Встреча и вправду несла с собой холодок. После первого же блюда Марк обрушил на неё всю мощь своих связей. Он говорил тихо и непринуждённо. У Нереиды создалось впечатление, что речь была спонтанной, хотя в глубине души она понимала, что он наверняка не раз репетировал... и всё же от этого не было ни граммом легче. Иногда всего одно слово ставит всю твою жизнь, карьеру, признание коллег, тишину и покой под удар.

Мутант. Фрик. Зверюшка. Кукла.

Эти слова проносились перед её глазами. Мысленно она уже видела, как её посадили в клетку, кололи антибиотики, а затем новый хозяин избил её плёткой в каком-нибудь подвале в особняке и оставил там умирать, в тишине и сырости.

Когда Марк закончил, она, контуженная, не слыша своего голоса, спросила...

– За что вы так со мной?

– Я обещал сделать вам предложение, от которого вы не сможете отказаться.

– Чего же вы хотите?

Немного помедлив, Марк торжествующе стёр салфеткой

капли супа из баранины (Нери так и не притронулась к своей порции) и выдавил:

– Мне нужна Амели Престейн.

Тишина в ушах стала слишком громкой.

VIII

Перед проходом на первую ступень опрыскайте руки антисептиком

Оба послушно выполнили указание.

Перед проходом на вторую ступень наденьте гигиеническую маску

Прозрачное желе плотно обволокло лица чёрного мужчины и женщины, упорно старавшейся скрыть свои половые признаки.

Перед проходом на третью ступень поднимите руки

Обоих полили из шести шлангов с полусухим обеззараживателем.

– Должна предупредить вас, что Амели очень... повторю, **ОЧЕНЬ** нежное и... хрупкое существо. Не смотрите на все эти... перья. То, что вы сейчас увидите – не более чем реклама.

– Зачем тогда весь этот цирк?

Цирк? – подумала Стардаст – как точно он описал происходящее.

– Вам не позволено прикасаться к ней. Пусть даже под

угрозой смерти, поняли? У Амели очень ранимое тело, не снаружи, но внутри... у неё нет ни врождённого ни приобретённого иммунитета. Нам удалось вживить в её ткани Плесень, некогда выкосившую половину населения планеты. Лишь для носителей её редкого гена она не представляет опасности. Эта операция позволила ей ограничиться чуть меньшим числом очистительных систем и сейчас Плесень... – тут она осеклась – В общем, вам нельзя её трогать. Тело у неё чувствительное, как у огненной саламандры, понимаете?

Он отлично понимал. В детстве у Марка была такая саламандра в прозрачном террариуме и как-то раз он принёс её в школу в кружок природоведения. Все восхищались ею, кто-то даже покормил, при дыхании животик её забавно поднимался и опускался, перемежая кожные складки. Но стоило ему уйти на обед... вернувшись, Марк обнаружил её трупик, перевёрнутый кверху горящим пузиком, животик больше не вздымался. Марк тогда очень долго и горько плакал.

– Совсем нельзя трогать? Как же мне тогда её...

– Совсем.

– Но постойте, как же мне тогда выводить её в свет?!

– Ей нельзя на свет, он оставит на её коже незаживающие ожоги.

– Хоть в тени... скажем, ночного клуба или на вечеринке под крышей ей можно находиться?

– Да. Но только в специальном скафандре.

– Боже, она что, будет похожа на этих надутых ныряльщи-

ков?

– Нет, современные скафандры позволяют придавать им куда более свободную и... презентабельную форму.

– Не припомню таких в 78-м.

– Где вы спали всё это десятилетие?

– Не ваше дело. Я был... занят.

– Ладно. Спешу порадовать вас: скафандры выглядят очень похоже на платье. Более того, у нас их есть несколько моделей, так что вы умудритесь ещё и никому не наскучить. На голове она будет носить почти невидимый мягкий шлем.

– Какое утешение...

– Ещё кое-что, её глаза очень восприимчивы к свету, не вздумайте включить при ней в машине дальний свет и... насчёт Плесени – тут, покривив душой, Нереида неожиданно для себя выдала – если вздумаете хоть пальцем прикоснуться к её белоснежной коже... древняя болезнь убьёт вас.

Королеве было трудно расстаться с принцессой, зная, на что она её обрекает.

– Понял.

Дезинфекция завершена. Добро пожаловать

– Амели... – пронеслось в её голове – прости меня, Амели. Этот человек – настоящее чудовище. Но я не могу иначе. Сейчас или потом, через меня или через других людей, но этот коварный паук доберётся до тебя...

Многих наркокурьеров грызёт совесть.

– Если этого не сделаю я...

Им есть лишь одно спасение.

– То это сделает другой...

Убийство совести. Капитуляция.

– Что ты там бормочешь?

– Ничего... су ты с... мистер Маерс.

В комнате погасли даже отголоски тусклого света.

– Сейчас начнётся шоу.

Темноту прорезал лёгкий луч белого света. По тонкой тропинке к нему медленно, считая каждый шаг, прошла Амелия. Мягкий свет расширился и выхватил её странно притягательный наряд по ту сторону стекла. Чёрная чешуя на узких крепких трусиках отливала изумрудами. В полной тишине было слышно, как чешуйки трутся друг о друга. Мраморное тело скрывали розовые полупрозрачные ткани. На голове красовалась корона с расправленными во все стороны искусственными красными перьями. Она готовилась раздеться перед ним в страстном соблазняющем танце. В первый и в последний раз.

Луч света веером разошёлся на весь видимый спектр, тонкими ниточками проводя как будто срез гипсового слепка всего её тела. Амелия протянула руки вперёд, вдохнула воздух крошечными лёгкими и замерла в ожидании электронной музыки.

Раздался треск записи металлического бубна и падающих друг на друга монет, которыми уже лет тридцать не поль-

зовались. Сейчас эти звуки казались древними, как сам инстинкт размножения. В бой пошли барабаны. Небо невидимыми лучами озарили флейты и скрипка. Свет снова стал белым и единым лучом выхватывал отдельные части тела Амели, кружившейся в чувственной гармонии с самой природой звуков, бывших в её жизни слишком редкими гостями.

Ударил барабан.

Амели сбросила корону и, обмотав лицо тканью, двинулась к стеклу, покачивая бёдрами.

Рассыпался бубен.

Амели закинула ногу и, покачивая ловким тазом, расстегнула трусики и скинула их в темноту.

Упала флейта.

Амели развернулась спиной и ушла в темноту, откуда её прекрасные плечи и ягодицы вскоре выловил свет. Повернувшись боком, она приспустила ткань с плеча, поиграла ею и так же легко и бесшумно отбросила её в пасть темноты.

Скрипка сорвалась на крик.

Под её нервные раскачивания Амели затрясла грудями и коснулась пальцами лобка. Сделав несколько сдавленных вдохов, она умело водила руку кругами, пока через стекло до Марка не донёсся лёгкий вздох удовольствия. На пальцах у неё появилась странная скользкая и вязкая жидкость. Амели вжала нежный животик и, поднеся пальцы к губам, облизала их.

Сжав свои будто изваянные из камня груди, она закрыла

глаза и потёрла их друг о друга. Стикини с шелчком один за другим соскочили, обнажая пепельно-серые соски.

Музыка дала последний нервный аккорд и разразилась артефактами и абберациями, успокаиваясь и уступая место тишине.

Марк отошёл от оцепенения и не без смущения отметил боль от каменной эрекции.

Нери, воспользовавшись паузой, вылетела сквозь третью и вторую ступени и, сорвав гигиеническую маску, рассталась с обедом выпустив его прямо в холодную раковину.

Ами и Марк остались наедине. В первый раз в жизни.

IX

Проведя за беседой в общей сложности час, Марк покинул Амели. Найдя Стардаст в коридоре за первой ступенью безопасности, он вывалил:

– Напоминаю о нашей сделке.

Нереида промолчала.

– Если проболтаешься, твои коллеги по цеху всё узнают и тогда... в лучшем случае тебя запрут в клетке и отдадут на растерзание всяким богатым обдолбанным фрикам. А в худшем... в худшем случае тебя отдадут учёным. Над тобой будут ставить опыты, травить тебя химикатами и газом, а потом, попользовавшись, выкинут на помойку, как целлофано-

вый пакет с прокисшей мочой.

В ответ молчание.

– Никаких прав человека нет, есть лишь право сильного...

– Читай «богатого»...

– Богатого – согласился Марк – Или богатой.

– Женщины на такое не способны!

– Это смеешь мне говорить ты?!

Марк вскипел.

– Ты мне противна. Ты... ты омерзительна. Ты, ты... – он не находил слов – бесполоая гадюка. Ты продаёшь таких же как ты...

– Ты чудовище!

– ...людям, которых ненавидишь. Ты... ты хуже, чем негры, в семнадцатом веке продававшие своих белым людям. Ты... будь твоя воля, ты и меня бы продала.

– Из тебя получился бы неплохой шут.

– Захлопнись!

Больше им ничего не оставалось.

Через минуту к ним подошёл владелец фирмы. Он пожал ватную руку Марка и спросил:

– Я полагаю, наша Амели наконец-то переезжает? Мисс Стардаст рассыпалась мне о вас в самых благоприятных рекомендациях, так что со своей стороны я не вижу никаких пре...

Марк перебил:

– Да. Сделка состоится.

Х

На званом вечере, устроенном в честь дня рождения Роджера Вайта собрались все бывшие партнёры, школьные друзья и некоторые из его родственников, которым деньги позволяли выглядеть менее-более удобоваримо для таких мероприятий.

В 11:30 вечера к воротам подъехал иссиня-чёрный электромобиль с двумя белыми полосами. Из которого вышли две фигуры: белая в золотом и чёрная в чёрном.

Своим неожиданным и ярким появлением пара поразила всех присутствующих. Впервые Марк чувствовал своё белое клеймо не наказанием, а отметкой гордости. Он бравировал им, строил глазки, играл бровями и широко и злорадно улыбался.

Вот, что он думал:

В моих руках щёлка, в которую эти черви не смогут пролезть. На неё они не могли взглянуть, даже фотографий её больше нет ни в одном альманахе, ни на одном из сайтов, лишь обрывки слов о её неземной красоте. Но теперь она МОЯ. И сегодня ночью я ей овладею.

Вот, что думала она:

Так много света, ещё чуть-чуть и я в обморок упаду. Куда он меня ведёт? У него такие сильные и... в то же время нежные руки. Неужели он... влюблён? Нет, быть того

не может, это было бы слишком хорошо. Но кто все эти люди? Они так удивлены, похоже, они нас знают. Как жаль что мы сейчас не одни. У меня столько вопросов.

Отвешивая лёгкие поклоны, они дошли до столика с пуншем и игристыми винами, у которых тёрлись виновник торжества и вся свора его прихлебателей со своими жёнами.

– О, Маарк! – наигранно воскликнул Роджер – и ты остепенился?

– Если и есть различия в степенях, то у меня она докторская.

Марк повернул краник и налил себе в резной стакан пунша из гигантского аквариума, где плавали странные рыбки с длинными, как ленты у танцовщиц, хвостами.

– Ну и как она тебе в постели? – нескромно поинтересовался Роджер и вся его братия нервно захихикала, как стая гиен.

Парад мелких щёлкающих пузырьков напомнил Амели свою родную барокамеру, свою уязвимость. Смущённый румянец украсил её милые щёчки. Она отвернулась от любопытных взглядов и прижалась к Марку. Волосы встали на нём дыбом. Но очень скоро он пришёл в себя, натянул холодную улыбку и ответил.

– Ещё не пробовал. Но уверен, что всяко лучше, чем лечь в койку с семь раз порезанным и перешитым бабуином.

Старая женщина со следами многих пластических операций – подтяжек и срезов – округлила глаза и со злым недо-

умением посмотрела на своего мужа. Взгляд её как бы спрашивал – ну, ответь же ему что-нибудь!?

Японец, похожий скорее на старую ящерицу в очках, промычал что-то невнятное. Он всё никак не мог найти подходящие слова.

Марк, воспользовавшись заминкой, стал проходиться по более мелким сошкам. Он вульгарно, но метко поносил продажных женщин, обществу которых давно уже не были рады такие же продажные мужчины. Кончив, он довольно отхлебнул, с презрением смотря на своих противников через искажённое дно стакана. На секунду он и сам поверил в обрисованную собой карикатуру. Сквозь резное стекло все они казались мало похожими на людей – гигантские головы, огромные кривые глаза, маленькие зубы, носы – две точки, крошечные подбородки.

Осьминоги, ящерицы, кобры – и ни одного человека.

Марк оторвался от напитка и улыбнулся.

Роджер решил не ужесточать конфликт и свести всё к шутке.

– Воот, узнаю своего старого друга! А ты не растерял хватку, уголёк. Я смотрю, в тюрьме ты научился крепко хлестать языком. Однако позволь спросить – он налил стакан – во сколько обошлась тебе эта красота. Ни за что не поверю, что хоть одна белая девушка, как бы это сказать, по доброй воле...

– Двадцать миллионов – буркнул Майерс.

– Она прелестна – проворковал Роджер. Его пластическая жена с возмущением покосилась на него.

– Слышал про огненную саламандру?

– Читал... лилия в консервной банке. Говорят, не выходит из своего аквариума... это твоя следующая цель?

Вайт протянул Амели стакан.

– Двадцать миллионов, повторил Майерс. Я купил лилию.

– Что? – непонимающе шепнул Роджер. Очки его сползли на лоб. Толстые складки лба сложились в лесенку.

– Это Амели. Поздоровайся, детка.

– Очень приятно – сказала Амели, протягивая руку – Амели Престейн.

– Что ж... – сказал Роджер – ты счастливчик. Признаюсь, я повержен. Восхищён вашей красотой, дорогая. – Японец извиняющеся поклонился своей жене.

– Любой ценитель почтёт за честь увенчать таким алмазом корону своей коллекции – раздался собачий голосок из-за спины именинника.

– Тихо там! – огрызнулся Роджер.

– Ну же, выпьем, Вайт!

– Да, скажите тост, босс!

– Тост? Что ж, так и быть!

Миссис Вайт фыркнула что-то унижительное и удалилась. На неё, впрочем, никто не обратил особого внимания. Все смотрели на хозяйский бокал в руке Роджера. Он был инкрустирован янтарными каплями и весь покрыт каким-то шед-

ро орнаментированным жёлтым металлом.

– За двадцать миллионов!

– За дружбу – язвительно сказал Марк.

– За Амели!

Все разом запрокинули стаканы и бокалы. Марк осушил свой и довольно облизнулся. Амели, пребывая как будто в полусне, смотрела на хозяина снизу-вверх. Когда тот запрокинул голову, лакая пунш, она неуверенно приподняла свой бокал и... всплеск.

Раздался громкий хохот.

Амели всплеснула руками, пытаясь смыть с себя липкую жижу. Защитное стекло её скафандра было всё залито пуншем. Платье, туфли – всё было мокрым. Марк с секундным состраданием приобнял её за талию.

На белых щеках появились слёзы. Роджер рассмеялся ей прямо в лицо. На стекле появились капли чужой слюны. Японская кобра плевалась ядом. Амели не выдержала и рванула со всех ног прочь. Прочь – под крышу дома. Арка двери. Коридор. Лестница. Картины.

Марк оскалился, бросил стакан на стол.

– Руками не трогать! – злобно огрызнулся он и бросился за Амели.

XI

Стук туфель о мраморные ступени. Амели бежала по вин-

товой лестнице, не оглядываясь. Вбежав в первый попавшийся коридор, она принялась дёргать за ручки. Первая. Вторая. Третья. Все заперты. Позади послышалось грохочущее эхо. Марк ругался, нагоняя свою рабыню. Сердце Амели сильно-сильно заколотилось. Она рванулась вдоль высоких витражей к следующей двери. В глаза ей бросилась табличка «Гостевая». Повернула ручку в форме женской груди. Раздался щелчок и Амели нырнула в комнату.

Хлопнув дверью, она закрылась на толстую задвижку и облокотилась плечом на деревянные доски двери. В глазах её всё плыло. Дышать было трудно. Пальцы немели, кололись мелкими иголками.

Громкие шлепки огромных лап Марка разразились громом и пропали вдалеке. Наконец Амели отдышалась и успокоилась. Физически, не морально.

Отдышка пропала. Девушка прошла вглубь комнаты. Села на огромную кровать с двумя подушками и осмотрелась. Только теперь она заметила, что на высоких, под самый потолок, витражах изображены обнажённые парочки. Обнимающиеся. Целующиеся. Сношающиеся.

Розовые, фиолетовые и белые стёкла явно должны были настраивать гостей на близость. У Амели защекотало в глазах. Она еле сдержала слёзы. Роджер, сам того не зная, тыкал ей в лицо красной тряпкой. Тряс перед ней жизнью, которой у неё не будет никогда. Жизнь, полной удовольствий, любовных соков, самых разных вкусов. Мир этот был из мяса.

Весь такой чувственный, тактильный. А она никогда не сможет коснуться любимого человека, никогда не сможет подарить ему свой горячий поцелуй. Не сможет завести детей. Даже пунша глотнуть вне своей камеры не сможет.

– Лилия в консервной банке...

– Амели, где ты? – голос Марка донёлся из-за нескольких стен.

– В банке было лучше.

Громкие шаги приблизились. Большая чёрная фигура расплылась в витражном окне. Шаги прекратились.

– Амели, ты здесь? – Марк дёрнул круглую ручку, снова и снова. – Дорогая, ты в порядке? – тут он запнулся. «Ты в порядке?» – когда ему стало не всё равно?

В ответ тишина.

– Я же знаю, ты тут!

Амелия подошла к запертой двери. Не дойдя пары шагов, она остановилась.

– Ну же, милочка, открой.

– Мне страшно.

– Всё будет хорошо.

– Они смеялись надо мной.

– Они своё ещё получают. Дорогая, ты вступишь меня наконец?

– Ты... ты не сделаешь мне больно?

– Зачем?

– Я вела себя неуклюже, я... я...

– Всё будет хорошо. Просто нужно привести тебя в порядок, ладно?

Амели шмыгнула носом, расправила испачканное платье.

– Я хочу побыть одна.

– Ну же, милая.

– Я не хочу быть здесь.

– Надо немного потерпеть. Открой дверь.

– Марк, я...

– Пожалуйста... я помогу.

Амели сдалась. Защёлка отодвинулась в сторону. Марк ураганом влетел. Сразу обхватил её, словно чёрное грозовое облако. Нервно трогал её руки, осматривал плечи, приподнимал платье. Пятна там и тут, там и тут. Девушка почувствовала себя в самом центре бури. Как ни странно, именно здесь её было спокойно... и даже приятно. Марк искал на ней повреждения.

– Хотя бы не подвернула лодыжку и ничего себе не сломала. Милая, милая, ты ведь такая хрупкая. Нельзя же на каблуках бегать. Ты могла разбить коленку или стекло скафандра.

– Марк, я такая грязная.

– Это только пятна.

Марк достал из нагрудного кармана платок и вытер подсохший пунш с её шлема. Он промокнул платком её грудь, всю красную. Огромное пятно расплывалось – точно сердце! – подумал Майерс.

– Как ты себя чувствуешь?

– Всё так ужасно, Марк.

– Больше пятен нет.

Он скомкал платок и швырнул его в торону.

– Я выставила тебя таким дураком. И была такой дурой.

– Обо мне не беспокойся. Меня этот гад надул гораздо страшнее. Но сегодня я ему отплачу.

– Как же?

– Он у меня за всё получит.

– Как, любимый?

– Я пришёл к ним не с пустыми руками. Не с пустым ртом уж точно. Мне есть, чем их рассорить.

– Правда? Чем же?

– В таких семьях всегда найдётся целый ворох грязи. Настоящий комок волос и разложившегося семени из ванной. И совсем скоро я подёргаю его за волоски. Вонь разлетится очень далеко.

– Охх, им будет не до смеха, любимый.

– Именно. Стоп, как ты меня назвала?

– Никак... Марк?

– Нет-нет, повтори это слово. То самое.

– Л... любимый.

– Надо же...

До Марка вдруг дошло, что они вот уже две минуты жмутся друг к другу, как.... Как...

– Как влюблённые школьники – пробубнил он.

– Что?

– Ты совсем как школьница.

– У меня никогда не было мужчины, который бы так заботился обо мне.

– Но я не сделал ничего особенного.

– Для меня это многое значит.

– Ммм.

– Марк, посмотри на них – она кивнула в сторону витражей – они влюблены и я... хочу быть среди них. Но не могу.

В груди у Марка что-то защемило. Он прижал Амелию ещё сильнее и пару раз потёрся о неё, пытаясь унять эрекцию.

– Тогда я заберу тебя домой, как только покончу с этими обезьянами в большом зале. Я увезу тебя домой. Я вымажусь всеми антисептиками, какие только есть, натяну на себя хоть десять слоёв защитной резины, но доставлю тебе любовное удовольствие.

– Любимый...

– Я выжму из твоих груди и киски все соки, какие только есть...

– Да!

– И ты никогда больше не будешь одна. Тебе больше не будет страшно. Мы будем пить пунш вдвоём. Пусть даже через стекло.

– Спасибо.

– В мире ещё столько прекрасных вкусов, вин, ты не пред-

ставляешь.

– Уфф.

– Но, дорогая, в мире столько дерьма и мне так хочется оградить тебя от него.

Амелия широко расставила ножки. Притянула марка за грудки и поцеловала его через шлем. След от помады остался на внутренней стороне стекла.

– Я буду ждать здесь.

XII

В большом зале погас свет. Проектор осветил коренастую фигуру в белой офисной рубашке. Роджер. Он хлопнул в ладоши и из-за кулис вышла огромная процессия карликов и тощих гигантов с куреньями на подносах. Заиграла пульсирующая клубная музыка. Из-под пола выросли аквариумные цилиндры с подсветкой. Внутри них танцевали и постепенно раздевались девушки в костюмах русалок и подводных чудовищ. От потолка аквариумов шли трубки с воздухом. Разноцветные резные маски закрывали лица водных танцовщиц. Самая красивая из них скинула золотую чешую и обнажила две прекрасные ножки в причудливых туфлях. Окружавшие её мужчины невольно расступились и ахнули. Кто-то поперхнулся кальяном. Красные, фиолетовые и синие огни собрались в тонкие пучки света и задрожали, выхватывая самые интересные части тел из темноты аквариумов. Музыка

разразилась коротким джазовым джемом и утихла, оставив несколько секунд внимания неприлично громкой писклявой дудке. После громкого щелчка огни погасли.

Жёлтый прожектор выхватил со сцены Марка. Он держал в руке пучок проводов.

– Прошу прощения, дамы и господа. Я бы хотел сказать пару добрых слов моему старому другу, Роджеру.

По залу пополз недовольный гул.

– Было время, мы вместе работали, но вы сами знаете, что случилось. Меня оставили в дураках. Клетка меняет зверя. Он становится более покладистым, но лишь для того, чтобы в удобный момент выйти и загрызть своего пленителя. На этой вечеринке присутствует много-много представителей крупных банков. Так вот, знайте. По сути он был ничтожной гупёшкой. Не сегодня так завтра его сожрут более крупные рыбы. Ему навязали ненавистный брак и обвели вокруг пальца, не дав приданого. Надули тебя, Вайт, как когда-то ты надул меня.

Марк поднёс бокал ко рту, но, подумав, добавил.

– О и Пегги, твоя секретарша. Она горячая штучка, не один ведь я так думаю, верно, Роджер? Могу понять, почему вечерами ты не отвечаешь на мои звонки.

По залу прокатилась череда смешков. Кто-то недовольно фыркнул.

– Будь счастлив, Роджер. Земля тебе пухом. Твоё здоровье.

Марк одним глотком прикончил остатки в фужере и бросил его себе под ноги. Множество мокрых осколков разлетелось по полу. В пьяных умах зрителей это выглядело почти как залп серебряных конфетти.

– Ах ты гад! – крик Роджера прекратил громкий шлепок. Супруга влепила ему пощёчину и с криками удалилась. Белый воротничок погнался за пассией, бранясь и извиняясь.

Ликующий, Марк спустился со сцены. Ступенька за ступенькой. С каждым шагом ему становилось всё веселее.

– Что вы все такие кислые? Танцуем!

Несколько недовольных рож по-снобски вскинули носы и удалились. Те самые банкиры. “Адъё, толстосумы” – подумал Марк и погрузился в угашенную толпу. В свете софитов и лазеров люди образовывали маленькие кружки, толкались и плясали, как настоящие дикари.

Варвары. Но какие варвары! Марку впервые за долгое время стало приятно их общество. Беснующаяся в угаре толпа улыбалась ему никотиновыми зубами. Безумные гримасы, разбитые носы. Вакханалии снова вошли в моду и это было именно то, что ему сейчас нужно. Чёрный великан с головой нырнул в бурлящую толпу, забыв обо всём на свете.

Вынырнул он из неё только через полчаса. Весь растрёпанный и потный. И зашагал по винтовой лестнице наверх. Роджера так нигде и не было видно.

ХІІІ

Дверь в гостевую была выломана. В коридоре повсюду явные признаки борьбы – царапины на стенах, сломанная мужская туфля. На одном из витражей белоснежное лицо любовника было разбито толстыми трещинами.

Марк наклонился и поднял красный платок.

– Ах, чтоб тебя. Амели!

Из гостевой донеслось сдавленное мычание.

Марк открыл сломанную дверь. На кровати два человека боролись. Белая рубашка, золотое платье, красное пятно. Марк вскипел.

– Ррррооджерррр!!!

В мгновение ока он превратился в ураган. Снова.

Он сносил всё на своём пути. Схватил первые несколько предметов, попавшихся под руку, и швырнул их в толстяка. Роджер взвыл псом. Скуля, свалился с кровати. Закрылся рукой от летевших в него предметов и ударов. Под глазом красовался синяк. Из штанов торчал обмякший от страха член.

– Ах ты кобель!

– Да пошёл ты!

Марк схватил его за руку и принялся бить, бить и бить. Прямо в лицо. Он разбил Роджеру нос и губу. Струи крови разделили его физиономию яркими трещинами. Он весь побелел, точно персонаж с витража.

– Дорогой, не надо! Ты убьёшь его!

Марк посмотрел на Амели.

– Этот гад домогался тебя!

– Я ниччч... ничего не дела... – прохрипел Роджер.

– Заткнись! – марк влепил ещё один удар ему прямо в челюсть. Что-то хрустнуло. Толстяк умолк.

– Он порвал мне платье... Обещал денег. Я отказалась, но он был настойчив... Марк, я не виновата!

Чёрный великан выволок ублюдка за дверь и швырнул его в коридор. Роджер кубарем покатился по лестнице, ломая пальцы и расставаясь с остатками зубов.

Марк вернулся к Амели.

– Ты в порядке?

– Ужасно. Мне так плохо.

– Иди ко мне.

Марк обхватил Амели и замер, вжав её в себя. *В сердце урагана тишина царит.* Поцелуй, поцелуй, ещё один. Рука скользнула по бедру.

– Теперь всё будет хорошо.

– Правда?

– Я рядом.

– Ты обещаешь?

– Конечно.

Нежность в его руках пропала, как не было.

– Он ведь не успел осквернить тебя?

– Я боролась, Марк, я отпиралась.

– Так значит, не успел?

– Нет.

– Хорошо.

«Тогда я буду первым» – подумал Марк.

– Я хочу домой.

– А знаешь... пусть он слышит!

Марк разорвал платье на месте красного пятна. Два крошечных серых соска смотрели на него. Он принялся покрывать её грудь поцелуями, отчего та вся порозовела.

– Оххх, Марк... прошу.

– Всё будет хорошо.

– Я ведь, аааххх!

– Всё будет хорошо.

– Мне страшно.

Ураган сдавил ей горло. Стало трудно дышать. Ужас. Удушье. Амели впервые ощутила такое ярое желание бороться за жизнь.

– Марк, мне плохо.

В ответ только пыхтения и всё новые, новые поцелуи. Амели попыталась оттолкнуть его. Но он стал напирать с ещё большей силой.

– Этот ублюдок остался с голым задом.

Марк обнажил её плечи...

– От него ушла жена.

Стянул с девушки платье, оставив только туфли и тёмные защитные чулки...

– Банкиры свалили с праздника, даже не попрощавшись.

– Ахх, Марк!

Он снял с неё шлем и поцеловал в её мягкие губы и отпустил. Вдохнув воздуха, Амели прозрела от чёрной пелены. И то, что она увидела ей понравилось и испугало одновременно.

Марк раздевался, скидывая одежду на пол. Было очень странно видеть его голым. Он будто и не раздевался вообще. Таким он был тёмным. И только белое клеймо на лбу и окрепший от возбуждения член. Он упирался прямо в её жемчужинку. И та неумолимо росла.

– Это конец, Марк...

– Всё будет хорошо.

– Я умру, Марк...

– Я буду рядом.

– Не оставляй меня одну.

– Конечно, конечно.

Амели расплакалась от переизбытка чувств. Это и вправду был конец. Сколько ей осталось? Сутки, двое, час?

– Ты убил меня, Марк... ты убил меня.

– Я обещал сделать тебя счастливой.

Амели всхлипнула.

– Я обещал отомстить за тебя. И обещал сделать тебя женщиной.

– Но не так же... Марк.

– Уже поздно что-то менять.

– Ты прав.

– Ты хочешь стать счастливой?

– Да... дорогой.

– Хочешь окунуться в океан чувств, забыться в нём?

Его шпиль погрузился в её лоно.

– Аххх, да.

Вся мокрая, она принимала его с самозабвенным удовольствием. Марк сделал несколько лёгких толчков и вытащил.

– Войди в меня снова, прошу.

Он проник в неё. Она обхватила его своими ножками, вовлекая в себя с каждым толчком. Марк терзал губами её сочные груди. Кончив так, он поставил Амели на четвереньки. Лицом в подушку. И врубился в её киску носом. Он играл с её жемчужинкой языком, губами, теребил её пальцами, гонял её слева-направо, вверх и вниз, высасывал из неё все соки.

– Дорогой, аххх, ааа, не останавивайся.

Амели снова задыхалась.

– Я хочу тебя, любимый. Зайди в меня снова.

Она повернулась и сказала...

– Я хочу почувствовать, как твоё тепло разольётся во мне, любимый.

Марк отпустил её клитор и поднял член.

– Попроси меня об этом.

– Прошууу – взмолилась она и раздвинула руками свои половые губы.

– Ещё раз.

– Пожалуйста...

– Вооот так, да.

Он проник в неё. Туман закружил ему голову. Марк снова превратился в ураган. Ураган, сходящийся с ума. Он молотил без остановки. Под безудержные стоны Амели. Натягивал её на себя, снова и снова, меняя ритмы. Играя самый настоящий раш на их гениталиях. И феерическим соло он наконец кончил.

Амели почувствовала, как горячее семя выстрелило внутри неё. Она сжалась, выдаивая из Марка всё до последней капли.

– Охх. Аааа... Даааа! Ты моя!

– Твоя.

– Моя и ничья больше!

Марк достал из неё пенис и положил его на её прекрасный задик. Амели выгнулась, потёрлась о него.

– Дорогой. Мне так хорошо.

– Ты моя, и ничья-я боооль-ше... – протянул Марк. И, потеряв сознание, повалился на неё.

XIV

Очнулся Марк в больнице. Прикованный наручниками к койке. В проходе стоял офицер полиции. Рядом стояла капельница. Марк попытался встать, но тут же ослеп от того

самого чёрного тумана в голове и упал обратно на подушку. Вспомнив последние события, он позвал Амели. Но её нигде не было. Тогда он обратился к полицейскому, но всё, чего он от него добился, это «Ты крупно влип, парень. Лежи и не дёргайся».

Очевидно, его сторожили. Через час пришёл врач. От него Марк узнал, что подхватил какую-то древнюю болезнь, название которой уже никто точно сказать и не может. Здесь не может. В простой государственной поликлинике.

– Как я оказался в этой дыре?

– Об этом «позаботились» ваши друзья. Роджер. Это он засунул вас в эту, как вы изволили выразиться, дыру.

– Тогда мне надо в частную клинику.

Боюсь, это невозможно.

– Почему?

– Эти парни – врач кивнул на офицера – врятли они вас отпустят.

– Парни? Он же один.

– По коридорам ещё шесть человек. Даже меня не очень-то хотели к вам пускать.

– Да как они смеют! – Марк вскочил с койки, но слабость тут же вернула его на место.

– На вашем месте я бы лежал тут и молился.

– Ну-ну, как же.

– Ибо помочь вам может один господь бог.

– Именно поэтому вы не на моём месте – фыркнул марк.

Похже вечером к Маркусу нагрянул юрист. Он уже не хотел его принимать, но тот вломился и вывалил перед ним несколько бумаг с исками. Во время их разговора Марка бросало то в жар то в холод.

– Вы знаете, что Роджер выдвинул против вас обвинение в причинении тяжких повреждений? Иначе говоря, что вы попросту избили его.

– Ну, теперь знаю.

– Чудно.

– А ещё знаю, что пошёл он в задницу – Марк улыбнулся.

– Рад, что у вас ещё есть силы шутить – съязвил юрист – для человека в вашем положении это последняя соломинка.

– В каком это положении.

– Ах, вы ещё не поняли? – парень в пиджаке оживился – вас продержат здесь неделю, а потом ещё три дня под арестом. Это минимум. И даже если вам удастся уйти от ответственности, эта древняя плесень навсегда подорвёт ваше здоровье. И по чести сказать... вам никогда уже не обзавестись детишками. Потому что через три дня у вас отвалится всё, что только может отвалиться. И ни один врач из государственной клиники вам не поможет. Даже если бы он знал – юрист юркнул глазками в коридор и назад – ему просто не дадут доступ к необходимым препаратам. У государства нет таких денег. Нет денег для бедолаг вроде тебя.

– У меня есть...

– Ты ещё не понял?

– Что же?

– Ты отрезан от остального мира.

Юрист собрал бумаги с кровати Марка и захлопнул дипломат.

– Я отлично знаю, что ты чувствуешь. И знаю, что тебе не хватит сил даже дойти до этого старого телефона в коридоре.

– Не боишься подхватить болячку?

– У меня иммунитет. С детства.

– Ах ты. Я ещё тебя достану!

– Увидимся в аду.

– Да чтоб тебя! – Марк схватил с подноса подгнивший мандарин и запустил им в прокурора.

Тот только усмехнулся.

– Давай-давай, проваливай!

Марк закрыл глаза. Жар с силой прошиб его тело. Скоро он болезненно уснул.

XV

Очнувшись от бреда, он отбросил мятое одеяло. Была глубокая ночь, но даже так было видно, как огромное бело-зелёное пятно рзрастается от его паха вверх по всему телу.

– Ооо, чёрт! Амели, где же ты?

– Даже и не надейся её услышать.

– Кто здесь?

– Мы с тобой теперь до конца твоей жизни.

– Кто?

– Прислушайся.

Марк так и сделал. Тишина.

– Эй, что за шутки?

Молчание.

– Кто ты?

Только редкие капли по стеклу.

«Не сошёл же я с ума» – подумал Марк.

– Это не самая большая твоя проблема...

Больше таинственных голосов он никогда не слышал.

То, что было дальше, не важно. Рыбка-султанка разразилась зловонием, привлекая полчища мясных мух.

24-25.07.2021.

07.12.2022.

Приложение

Для понимания последнего «сезона» будет полезным прочесть один моих из старых коротких рассказов. Называется он «Плесень» и был написан мною на первом курсе университета. Тогда я пребывал в заметной депрессии, незадолго до самой настоящей бури. И чувствовал себя крайне одиноко. Что, мне кажется, весьма передалось настроению и теме данного произведения.

События «Огненной саламандры» и «Плесени» происходят в одной и той же вселенной, хотя повествование в них и разнится. Один из них более сексуальный, даже похожий на американский боевик с примесью научной фантастики, другой же скорее артхаусный, сюрреалистичный фильм. Но объединяет их метафоричность. Надеюсь, это не последнее, что вы прочтёте из моих работ. Просто потому что планирую писать и рисовать их дальше. Просто потому что надеюсь, что смог развлечь вас. Себя уж точно развлёк и занял. Уверен, что с пользой.

По сути, сегодня вы получаете пять рассказов по цене четырёх. Так что возрадуемся.

.*Плесень.*.

Иногда мне кажется, что я сплю. И иногда мне это всё-таки кажется...

Всюду сырые остроугольные, но сглаженные зелёной шерстью дома. Мы давно уже не видели других домов. Только на картинках, в заплесневевших книгах да у кое-кого остались невнятные, размытые воспоминания о другом образе... образе.. образе. ... *жизни!

Жилище – твоя крепость, твоя внутренняя обстановка. Я всегда держал дом и мысли в порядке и чистоте. Когда начали разрастаться белой, жёлтой, зеленовато-бурой кипой маленькие существа с невидимыми загребучими ручками-спорами поверх книг, я все их до единой ути.. у.. . *утилизировал, вот!

Мои соседи позволяли ей проникать в дом, осваиваться, некоторые даже целенаправленно её разводили – исследовали. Одни искали лекарство от рака – другим просто было любопытно – остальные просто любили всё по-странному эстетичное... Вскоре они и сами стали ею покрываться. У девушек были такие хорошие пышные ресницы... у парней росли разноцветные бакены, брови, у некоторых на груди вырастали целые леса. Но их никто не срубал бритвой. Напротив...

..Ношение плесени стало пискком моды... последним... предсмертным пискком моды.

Постепенно они отвыкали ходить на работу, на учёбу, вообще выходить на улицу. Даже друг к другу в гости. Сидели и любовались своим отражением, иногда забывая закрывать входные двери...

Такие заторможенные... а ведь у меня в левой руке трость и я хромаю, как ужаленная улитка на песке. И это мне-то они кажутся медленными!

Зелёные улицы. Зелёные дома. Зелёное небо... какое же всё тут, чёрт возьми, зелёное! Аж до тошноты!

Если Элли хотела попасть в изумрудный городок, где все желания сбываются – ей стоило свернуть сюда... правда, с оговоркой на то, что желать здесь нужно только тишины, спокойствия, никакого движения – и тогда сбудется.

Мох ковром устелил мой широкий подъезд. Тут и там проглядывают крючкообразные белые грибы с красными прозрачными каплями на шляпках. На полу тонны дохлых или... сонных мух. Плесень медленно пожирает их. И что совершенно ужасно, им это, кажется, нравится.

Только в моей квартире кремово-жёлтые чистые стены и тёплый свет. Снаружи он не несёт вообще ничего...

Тяжело вот так... одному. Уже месяц ни души, ни звука. Я спускался к соседям, но либо их двери заперты на замок, либо в квартирах нет ничего кроме замшелых валунов, грибов и дохлых мух.

У меня есть догадка, что с ними стало. Но мне тяжело об этом думать. Очень. Надо облегчиться.

Зайдя в клозет, я уже восемнадцатый раз за неделю вижу неуклонно разрастающееся зеленое с коричневыми крапинками пятно. Я пытался его вывести, соскоблить и выкинуть. Но не помогло.

Много часов я просидел на этой белой эмалированной посудине, раздумывая над тем, как всё-таки мне эту гадость выводить. Я долго смотрел на неё выжигающим взглядом.

И вот однажды меня осенило. Мне не уда... удар? – у.. уд...

...

..* удаётся вывести её потому, что я этого... не хочу...

Удивительно, но за долгое время навязанного сожитель-ства я перестал инстинктивно испытывать к ней отвращение. Она стала для меня просто... как данность. Как будто иначе и быть не может. И не было никогда.

Обычное дело...

И вот через три месяца я сижу и смотрю на своё поросшее грибами лицо и спрашиваю се... сере... сер... серый? – спрашиваю я себя – может, «себя»? – да, точно, себя...

Вот так и гоняю один и тот же вопрос по кругу. Мир за окном не кажется больше унылым. Он мой. Он такой, каким и должен быть. Если бы только... только... т.. если бы, да как абы – то ... росли грибы... да, это про меня теперь, не иначе.

Мои колени хрустят. Хочется напоследок проститься с пока что ничего не говорящим мне солнцем. В последний раз посмотреть на него...

Обросшая махина медленно проковыляла до круглых остатков квадратного окна. Красные зрачки сузились, дыхание перебилось. Боли не было. Ни от падения. Ни от остановки дыхания. Был только покой и застывший последний момент.

Огарок окна затянула зелёная паут... паут.. т...тина?
28 сен. 2019.